

Перепечатка воспрещается.

«На берегу Большеземельской тундры найденъ сгнившій остовъ паруснаго брига. На кормѣ сохранились двѣ буквы: «Уж...»

(Изъ газетъ).

I.

Таинственная явленія.

Сначала Пулковская обсерваторія, а за нею и другія наблюдали съ самаго начала года странныя, никогда никѣмъ еще не описанныя, явленія. Кромѣ ученыхъ, слѣдящихъ за безконечнымъ просторомъ междупланетнаго океана въ огромные телескопы, къ небу издавна стремятся взоры всѣхъ людей. Неудивительно поэтому, что въ деревняхъ и въ селахъ люди пожилые, а въ лѣсахъ охотники, привыкшіе довѣрять звѣздному небу больше, чѣмъ часамъ и компасу, замѣтили на лунѣ какія-то зеленоватыя вспышки. Онѣ слѣдовали одна за другою черезъ короткіе промежутки, и было ихъ всего девять.

Такъ какъ годъ былъ високосный, то старики и старухи, услыжавъ объ „огняхъ на мѣсяцѣ“, рѣшили, что быть неурожаямъ и пожарамъ во всей ихъ округѣ. На этомъ и успокоились и, какъ положено отъ Бога, по завѣтамъ дѣдовъ и прадѣдовъ, терпѣливо ждали всякой бѣды и напасти.

Тѣ же вспышки наблюдались и въ обсерваторіяхъ Европы, гдѣ ихъ насчитали не девять, а цѣлыхъ двадцать, хотя пока не знали о нихъ больше, чѣмъ охотники, принесшіе такую новость въ деревни, и древніе

старики, сдѣлавшіе свои мрачныя предсказанія.

Правда, что въ обсерваторіи университета одинъ студентъ, упражнявшійся въ изученіи состава небесныхъ свѣтилъ по испускаемымъ ими лучамъ, совершенно случайно навелъ на полную луну объективъ спектроскопа и при яркой вспышкѣ на мертвомъ спутникѣ земли въ составѣ его лучей обнаружилъ присутствіе желѣза.

На другой же день въ газетахъ, куда проникли извѣстія объ открытіи студента, появились сенсационныя статьи подъ заглавіемъ: „Обстрѣлъ луны“, „Таинственные снаряды на лунѣ“, „Нападеніе селенитовъ“ и другіе заголовки, не менѣе заманчивые и крикливые. Въ этихъ статьяхъ авторы пытались доказать два положенія. Одни говорили, что такъ какъ луна—свѣтило, совершенно остывшее, и на немъ не можетъ быть вулканическихъ изверженій, то вспышки происходятъ отъ удара о поверхность луны желѣзныхъ снарядовъ, кѣмъ-то бросаемыхъ на луну. Другіе авторы склонны были допустить, что существа, живущія внутри коры мертвой планеты, гдѣ еще могли сохраниться слѣды теплоты, мечутъ при помощи какихъ-то орудій снаряды въ сторону земли.

Поднялся ожесточенный споръ, и полемическими статьями были наполнены всѣ газеты.

Ученые молчали. Большинство изъ нихъ не довѣряло наблюденію студента, и открытіе желѣза въ таинственныхъ вспышкахъ на лунѣ приписывали его неопытности и просто ошибкѣ.

Однако около каждого телескопа съ того времени былъ установленъ и спектроскопъ, но вспышки на лунѣ прекратились, и ученые тщетно ожидали случая изучить природу этихъ таинственныхъ явленій.

Пока астрономы, разбираясь въ полученномъ наблюдателями матеріалѣ, строили свои догадки и выработывали новую теорію, случились происшествія, заставившія общество позабыть о таинственныхъ вспышкахъ на лунѣ.

Въ Архангельскѣ съ сильнымъ креномъ на правый бортъ пришелъ лучшій промысловый пароходъ „Двина“ подъ командой опытнаго штурмана Семена Гавриловича Настюкова.

„Двина“ лѣтъ пять тому назадъ прошла вокругъ Европы изъ Англии, гдѣ ее строила знаменитая Гальстингская верфь. Пароходъ былъ двухтрубный, типа морскихъ ледоколовъ, устойчивый и сильный, не боящійся даже значительныхъ полярныхъ льдовъ.

Стальной корпусъ „Двины“ и ея могучій тупой носъ много разъ сталкивались съ льдами, и всякіи разъ побѣда оставалась за пароходомъ, несшимъ въ своихъ трюмахъ большой грузъ трески и ворвани.

Подъ стать отличному судну была и команда. Она была набрана самимъ Настюковымъ, а ужъ онъ за время своего плаванія по Ледовитому океану узналъ не мало безстрашныхъ и опытныхъ моряковъ и приглядѣлъ себѣ команду на диво.

Неудивительно поэтому, что, выходя въ море, шкиперъ всегда улыбался и говорилъ:

— Насъ всего пятнадцать человѣкъ, а мнѣ такъ вотъ и кажется, что у насъ на „Двинѣ“ сто паръ дюжихъ рукъ!

Вотъ почему, когда въ городѣ узнали, что къ пристани, сильно дымя, тащится „Двина“ съ креномъ направо, весь городъ выбѣжалъ на берегъ.

Когда пароходъ ошвартовался, всѣ замѣтили, что палуба судна обгорѣла, а на кормѣ потрескалась и вспузырилась краска.

— Ну, помиловалъ Богъ!—широко крестясь, сказалъ Семень Гавриловичъ. — До-

шли! А дѣло было—табакъ! Большое бѣдствіе терпѣли...

Но больше этого ни онъ и никто изъ команды „Двины“ ни словомъ не обмолвился.

На всѣ разспросы старшій боцманъ, Трофимъ Нерта, молодой, дюжій поморъ, скалил бѣлые зубы и отвѣчалъ:

— Вотъ ужъ! Отрапортуется штурманъ въ портовой конторѣ,—тогда, можетъ-быть, чтѣ и поразскажетъ.

А Настюковъ въ это время стоялъ передъ портовыми чиновниками и, развернувъ карту Ледовитаго океана, водилъ по ней пальцемъ и говорилъ:

— Зашли мы на этотъ разъ далеко за Вайгачъ. Треска шла лавой и уходила къ сѣверу, мы ей и пошли наперерѣзъ. Уловъ былъ удачный. Всю посуду заняли, ворвани вытопили полный грузъ и, убравшись, тихимъ ходомъ, не сигѣша, шли домой. Только вышли мы изъ Югорскаго Шара, намъ навстрѣчу большой парусникъ попался. Давно я такого не видѣлъ. Не нашъ, видно. Онъ чего-то вертелся на горизонтѣ, близко не подходилъ, а тутъ насъ, какъ на бѣду, хватилъ штормъ. Не ладно отъ него, вѣрно, паруснику было. Совсѣмъ исчезъ онъ изъ виду. Трепалъ насъ штормъ, должно-быть, часовъ пятнадцать и унесъ въ Хайпудырскую губу, вотъ сюда...

Шкиперъ нагнулся надъ картой и, показавъ отмѣченный черной точкой островокъ, продолжалъ:

— Думается мнѣ, что верстахъ этакъ въ 100—110 отъ Югорскаго Шара лежитъ этотъ островъ. Низкій берегъ его едва поднимается надъ водою, и только вдоль островка идетъ каменистая гряда. Все это я разглядѣлъ въ бинокль, когда думалъ, не укрыться ли мнѣ здѣсь отъ шторма. Но море здѣсь, видно, было мелкое, да и рифовъ я побоялся. Положилъ я руль на лѣвый бортъ и вышелъ на прежній румбъ. Вотъ тогда впервые это и случилось...

Семень Гавриловичъ перевелъ духъ, затянулся дымомъ трубки и началъ опять говорить:

— Отошелъ я миль на семь отъ островка,

какъ вдругъ откуда-то донеслось сначала легкое, чуть слышное стрекотанье, потомъ громкіе, короткіе стуки, а затѣмъ что-то со звономъ ударило въ палубу и затихло. Мы бросились туда, и на носу увидѣли большую круглую дыру.

„— Снарядъ?—спросилъ меня боцманъ.

— Я не зналъ, что отвѣтить, такъ какъ не понималъ, откуда могъ очутиться здѣсь снарядъ. Кругомъ на горизонтѣ не было видно ни дыма ни паруса. За все время нашего плаванія мы встрѣтили только большой парусникъ да двухъ парусныхъ норвежцевъ, а отъ берега насъ отдѣляло море болѣе чѣмъ на 100 верстъ. Но изумляться и раздумывать долго не пришлось. Изъ машиннаго отдѣленія приближалъ кочегаръ и сказалъ, что въ трюмахъ показалась вода, и слышно, какъ она течетъ снизу, у носовыхъ шпангоутовъ. Пока мы чинили пробойну и ирѣжнимъ ходомъ шли изъ Хайпудырекой губы, прилетѣлъ второй снарядъ. Онъ пробилъ трубу, приядъ наискосокъ, и упалъ въ грузовой трюмъ, гдѣ съ трескомъ разорвался, разбивъ десять бочекъ ворвани и сдѣлавъ брешь въ правомъ борту. Въ трюмъ начался пожаръ. Мы не могли потушить ворвань, которая, загорѣвшись, текла дальше и дальше, грозя сжечь весь корабль. Спасло насъ то, что въ брешь,—когда мы вышли изъ губы, и насъ начала настигать морская волна,—хлынула вода, и горящій жиръ всплылъ на поверхность моря. Мы подвели брезентный пластырь, но выкачать воды такъ и не могли, и вотъ...

Подойдя къ окну, шкиперъ указалъ рукой на покачивушіяся вправо трубы и мачты „Двины“.

— Съ большимъ креномъ шли и чуть-чуть добрались,—сказалъ Настюковъ.—Не въ томъ бѣда, конечно. Выйдемъ въ докъ и починимся. Нехорошо то, что команда сильно налугана. Списываются съ борта, не хотая въ другой разъ встрѣчаться съ чертовщиной.

Подумавъ немного, онъ закончилъ:

— А какъ же не лазать чертовщиной того, что случилось? Никакъ не объяснить

этого! Что насъ пробило? Почему мы не нашли осколковъ снаряда? Что могло такъ сразу поджечь ворвань? А тутъ еще этотъ профессоръ...

— Какой профессоръ?—спросилъ, подходя къ шкиперу, одинъ изъ чиновниковъ.

— Досадно даже говорить!—вдругъ разсердился Настюковъ.—Я сразу, тогда же зналъ, что намъ не повезетъ въ это плаваніе! Вышли мы въ море изъ Архангельска, и вдругъ навстрѣчу намъ попался парусный баркасъ. На рулѣ и у парусовъ поморскіе рыбаки. Машутъ флагомъ. Даль я тихій ходъ. Поравнялись они и кричатъ: „Бумага вамъ изъ Петербурга!“ Застопорили мы машину, опустили трапъ. Изъ баркаса къ намъ поднялся господинъ. Молодой еще, высокій и красивый. Показалъ намъ свои бумаги. Оказалось — отъ академіи его послали изучать Ледовитый океанъ. Онъ ушелъ на баркасѣ въ море, а мы-то въ это время и снялись. Онъ на берегу не успѣлъ съ нами сговориться... Одинъ человѣкъ—не помѣха, даже веселѣе—все же новый человѣкъ, ну, и взяли мы его...

— Мы знаемъ о профессорѣ Самойловѣ,—сказалъ чиновникъ:—и очень безпокоились за него: думали, что утонулъ. Только черезъ мѣсяцъ рыбаки намъ донесли, что на „Двинѣ“ онъ ушелъ.

— Вотъ профессоръ все молчалъ, а когда у насъ начался пожаръ, покачалъ головой и сказалъ: „Я его нашелъ! Это онъ творитъ бессмысленное, безумное зло!“ И больше ничего не говорилъ, только смотрѣлъ въ бинокль и много-много писалъ...

Отвѣтивъ на заданные ему вопросы и подписавъ свой рапортъ, шкиперъ откланялся и ушелъ.

Въ тотъ же день въ портовую контору былъ вызванъ и профессоръ Самойловъ.

Между нимъ и портовыми властями произошелъ очень короткій и многозначительный разговоръ.

— Вы профессоръ Василій Власовичъ Самойловъ?—спросили его.

— Да! Я командированъ въ сѣверныя воды Академіей Наукъ,—отвѣтилъ, отказа-

впись отъ предложеннаго ему стула, ученый. — Надѣюсь, что вамъ это доподлинно известно изъ телеграммъ Академіи и Географическаго Общества. Вамъ угодно знать мое мнѣніе объ аваріи „Двини“? У меня имѣется опредѣленное рѣшеніе этого вопроса, но это послужитъ темой для моего доклада въ Петербургѣ, куда я отправляюсь сегодня съ вечернимъ поѣздомъ. Я могу добавить, что я совершилъ за послѣднія пять лѣтъ нѣсколько переходовъ по Ледовитому океану и что искалъ здѣсь причины многихъ явленій, обратившихъ на себя вниманіе ученыхъ. Это почти все, чѣмъ я пока могу похвастаться съ вами. Въ заключеніе позволю себѣ дать вамъ совѣтъ объявить опаснымъ для судоходства ту часть Хайпудырскаго залива, которая находится въ 100 верстахъ отъ южной оконечности острова Вайгача и въ 60 — отъ острова Долгаго.

На всѣ дальнѣйшіе вопросы профессоръ отказывался отвѣчать, ссылаясь на предстоящій докладъ Академіи и Географическому Обществу

О случившейся необычайной аваріи рыболовнаго судна „Двина“ пошли донесенія порта въ разныя учрежденія, но до Петербурга извѣстія о злоключеніяхъ парохода привезъ профессоръ Самойловъ.

Въ первый же день своего приѣзда въ Петербургъ Самойловъ посѣтилъ почтеннаго академика, Павла Ѳеодоровича Туманова.

Тумановъ, его жена и сынъ-студентъ сидѣли за обѣдомъ, когда прислуга подала карточку Самойлова.

— Василій Власовичъ! — бросился навстрѣчу входящему академикъ. — Наконецъ-то!

Они крѣпко обнялись и расцѣловались. Когда послѣ первыхъ привѣтствій всѣ усѣлись за столъ, вдругъ наступило тягостное, неловкое молчаніе. Всѣ чувствовали, что насталъ жуткій моментъ вопроса и еще болѣе страшное ожиданіе отвѣта.

Первая заговорила жена Туманова. Прерывающимся голосомъ, въ которомъ дрожали слезы, она спросила:

— Есть ли хоть какаѣ-нибудь надежда?

Не нашли ли вы слѣдовъ нашей несчастной Нины?

Самойловъ въ глубокомъ волненіи всталъ изъ-за стола и сказалъ, отчетливо произнося и раздѣляя каждое слово:

— Я ничего не знаю о Нинѣ... ничего... но я нашелъ *его*, и теперь ему не уйти отъ насъ. Я видѣлъ своими глазами брига „Ужась“.

Всѣ въ изумленіи уставились на говорившаго.

— Въ Ледовитомъ океанѣ, къ югу отъ Югорскаго Шара, есть островъ Безыменный, въ 80-ти верстахъ отъ Больше-Земельской тундры. Туда скрылся Яковъ Силинъ...

— Онъ можетъ жить повсюду, зная нашъ секретъ! — вздохнулъ старикъ.

— Силинъ живетъ и творитъ свое неправое дѣло! — сказалъ Самойловъ. — Онъ попрежнему безсмысленно вредитъ людямъ. Но вотъ послушайте все по порядку.

И профессоръ разсказалъ Тумановымъ о своемъ плаваніи на „Двинѣ“, о встрѣчѣ съ паруснымъ судномъ и о событіяхъ въ Хайпудырской губѣ.

Когда онъ окончилъ свой разсказъ, старикъ пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ и, доставъ изъ ящика какое-то письмо, протянулъ его Самойлову.

Письмо было отъ друга Павла Ѳеодоровича, скандинавскаго ученаго, ботаника Ларса Сванборга. Ученый просилъ Туманова помочь ему изучить одно явленіе, наблюдающееся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Деревянные рыбацкія шкуны, занимающіяся ловлей сельди, трески и китобойнымъ промысломъ между Шпицбергенемъ и Беринговымъ моремъ, почти всѣ погибли, прийдя въ норвежскіе порты. Онѣ сгнили, а ихъ обшивка, палуба, мачты и даже паруса превратились въ студенистое бурое вещество.

Исслѣдованіями удалось установить, что шкуны привезли откуда-то плѣсень, съѣдающую дерево. Одна изъ шкунъ остановилась въ Варангеръ-фіордѣ, около деревни Тайноне, и вскорѣ всѣ хижинны деревушки и

церковь были уничтожены плѣсневымъ грибомъ.

Ботаникъ писалъ дальше, что плѣсень эта напала на людей, и правительству пришлось отдѣлать кордономъ цѣлый береговой округъ, пораженный завезенной изъ страны вѣчныхъ льдовъ ужасной невѣдомой болѣзнию.

— Я просилъ Сванборга прислать мнѣ маршруты путей, по которымъ плыли эти лкуны, — сказалъ Тумановъ: — и я узналъ, что всѣ онѣ шли черезъ Югорскій Шаръ. Не знаете ли вы что-нибудь объ этой плѣсени? Если это нашъ гигантскій пласмодій — тогда все понятно...

Самойловъ, ничего не говоря, вышелъ въ прихожую и принесъ маленький дорожный саквояжъ. Онъ вынулъ черную коробочку и, открывъ ее, показалъ академику цѣлый наборъ стеклянныхъ трубочекъ, на стѣнкахъ которыхъ раскинулись пятна бѣлой жирной плѣсени.

— Это — пласмодій! Мой пласмодій! — воскликнулъ Тумановъ, закрывая лицо рукавомъ.

— Терпѣнїе! — сказалъ Самойловъ. — Теперь недолго уже. Часъ мести насталь.

Онъ глубоко ушелъ въ кресло и почти шопотомъ произнесъ:

— Какъ я его ненавижу! Тамъ, среди льдовъ, подъ немолчный шумъ суровыхъ, тяжелыхъ волнъ я видѣлъ преступное лицо Силина. Когда все на пароходѣ замирало, я звалъ его! Я ждалъ, что увижу его плывущимъ навстрѣчу мнѣ... Я клянусь вамъ, что я бросился бы за бортъ, и тогда наступилъ бы часъ послѣдняго рѣшительнаго боя!.. Но я видѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ лишь его судно...

Профессоръ замолчалъ, но тотчасъ же всталъ и началъ ходить по кабинету, хватаясь за голову.

— Боже правый! — шепталъ онъ дрожащимъ отъ сдерживаемыхъ рыданій голосомъ. — Вѣдь ужъ почти пять лѣтъ, какъ я не видѣлъ Нины. Пять лѣтъ! Жива ли она, любимая, желанная?

Громкія рыданія прервали его слова, и Самойловъ быстро покинулъ кабинетъ

II.

Экспедиція „Грифа“.

Черезъ полгода изъ Петербурга вышелъ отлично снаряженный пароходъ „Грифъ“, несшій на мачтахъ и кормѣ два флага — русскій и норвежскій. Всѣ ученые общества обѣихъ странъ приняли участіе въ новой сѣверной экспедиціи. Цѣлью ея было изслѣдованіе причинъ замѣчаемыхъ за послѣднее время болѣзни и вымиранія рыбъ и промысловыхъ морскихъ животныхъ Ледовитаго океана.

Штурманы рыболовныхъ шкунъ разсказывали, что около полуострова Ялмала были замѣчены стаи рыбы, быстро подвигающейся къ востоку, несмотря на то, что въ это время года рыба обыкновенно шла на западъ къ сѣвернымъ берегамъ Скандинавскаго полуострова. Другіе, зашедшіе еще восточнѣе, шкуновладѣльцы и рыбаки попали на меридіанъ „Острововъ Уединенія“ въ полосу океана, покрытую трупами мертвой рыбы.

Нальдинахъ видѣлись слабые, очевидно, издыхающіе тюлени и моржи, а стаи чаекъ и орлановъ носились надъ этимъ медленно плывущимъ кладбищемъ.

Экспедиціи было поручено также обстѣдовать острова, лежащіе въ Хайпудырской губѣ, составить карту и описаніе ихъ природы.

На своемъ борту „Грифъ“ везъ извѣстныхъ своими путешествіями и учеными трудами профессоровъ Туманова, Сванборга и Самойлова. Пароходъ экспедиціи не былъ вооруженъ артиллеріей, хотя бравый командиръ крейсера, отставной морской офицеръ Любимовъ, заупрямился и не захотѣлъ разстаться съ скорострѣльной пушкой Гочкиса, стоящей на капитанскомъ мостикѣ.

Переходъ отъ Петербурга до Архангельска сдѣлали быстро. Заходили только въ Тромзе, гдѣ у англійской компаніи „Джонъ Смойль эндъ Верри“ запаслись кардифскимъ углемъ.

нагрузивъ имъ всё трюмы и боковыя обшивочныя камеры.

Послѣдняя остановка „Грифа“ была въ Вардэ, гдѣ должны были принять на борту двухъ норвежскихъ боцмановъ, знакомыхъ съ сѣверными водами. Въ Вардэ въ это время года на рейдѣ обычно бываетъ совсемъ пустынно, такъ какъ шкуны, паровыя баркасы и даже шлюпки, которыя поустойчивѣе, уходятъ на ловъ, пользуясь тѣмъ, что сельдь собирается всего въ десяти милыхъ ляхъ отъ материка.

Когда же „Грифъ“ отъ мыса Нордъ-Капа взялъ курсъ на Вардэ, начали попадаться сначала отдѣльныя шкуны, а затѣмъ и цѣлѣ flotили мелкиихъ судовъ.

— Это только послѣ отчаяннаго шторма шкуны сходятся, подсчитывая свои потери, — замѣтилъ командиръ парохода. — Но ни барометръ ни телеграфъ не указывали на такой штормъ!

Когда же „Грифъ“ былъ уже въ виду Вардэ, всё такъ и ахнули.

— Да намъ здѣсь и не протолкаться! — крикнулъ капитанъ Любимовъ.

И дѣйствительно, весь рейдъ былъ занятъ стоящими на якоряхъ или у бочекъ шкунами, паровыми баркасами и широкими, какъ лаханы, парусниками стараго типа. Въ открытомъ морѣ, цѣпляясь за брошенные якоря, трепались рыбацкія суда со свернутыми и покрытыми клеенкой парусами и одинокими фигурами вахтенныхъ у штурваловъ.

— Ума не приложу! — разводилъ руками командиръ. — Что-то стряслось у нихъ, вѣрно!..

Только Сванборгъ печально покачивалъ сѣдою головой и, поворачиваясь къ Туманову, сказалъ:

— Вѣрно, опять эта болѣзнь напала на рыбу. Боже мой! снова цѣлыя округа будутъ голодать!

Пока высказывались различныя догадки, „Грифъ“ тихимъ ходомъ вошелъ на рейдъ и, бросивъ якорь у праваго входнаго створа, подалъ сигналъ сиреной.

Вскорѣ подошла шестивесельная шлюпка.

и изъ нея поднялись на палубу шкипера, старые морскіе волки.

На нихъ набросились съ разспросами о причинѣ такого сбора судовъ въ Вардэ.

— Бѣда! — сказали они. — Милліоны рыбъ всплыли на поверхность моря. Десятки миль воднаго пространства покрыты гниющей треской и сельдью. Никто не знаетъ, что за причина, но бѣдствіе ужасно, голодъ и крахи неминуемы. Уже двѣ богатѣйшія фирмы прекратили вчера платежи. Хуже же всего то, что большинство рыбаковъ разорено навсегда. Ихъ деревянныя суда превратились въ какую-то бурю, зловонную слизь. Они гниютъ, распадаются и заражаютъ все кругомъ этой проклятой болѣзью! Половина командъ хвораетъ — ихъ свезли вотъ на то судно. Оно прислано правительствомъ для карантина.

Разсказывающій объ этомъ шкиперъ указалъ пальцемъ въ юго-западный уголъ рейда, гдѣ видѣлось большое бѣлое судно съ чернымъ флагомъ на гротъ-мачтѣ.

— Умираютъ ужъ люди!.. — добавилъ другой шкиперъ и вздохнулъ.

— Что за напасть такая? — воскликнулъ командиръ „Грифа“. — Да вѣдь раньше я объ этомъ никогда не слышалъ! Чтобы въ одну кампанію судно могло сгнить — да гдѣ это видано?

Не сходя на берегъ, командиръ по беспроволочному телеграфу снесся съ властями въ Вардэ и, не получивъ отъ нихъ никакихъ новостей, вышелъ въ море.

Въ Архангельскѣ простояли пять дней, грузили провизію, ѣздовыхъ собакъ и скотъ и при свѣжемъ восточномъ вѣтрѣ на всѣхъ парахъ пересѣкли Бѣлое море по курсу на мысъ св. Носъ.

Около южной оконечности острова Колгуева, по приказанію Туманова, на „Грифѣ“ были остановлены машины и спущены шлюпки съ различными приборами. Все чаще и чаще попадались большія скопища уснувшей рыбы. Когда нѣсколько штукъ было доставлено на палубу, Сванборгъ и Тумановъ осмотрѣли ихъ. Трупы были покрыты бѣловатой слизью и лег-

кимъ, едва замѣтнымъ пухомъ плѣсневаго налета.

— Это — пласмодій... — сказала Тумановъ, взглянувъ на своего ученаго друга.

— Не думаю... — попробоваль-было возразить скандинавскій ботаникъ.

Академикъ однако сразу же прервалъ его и замѣтилъ:

— Троньте рукой эту рыбу! Вы чувствуете — она горяча? Это только пласмодій съ такой быстротой пожираетъ свою жертву и, переваривая ее, выдѣляетъ столько теплоты.

Экспедиція занялась вопросомъ, на какую глубину опускаются зародыши плѣсени, въ какой степени развитія они находятся и сколько ихъ.

Дѣлая промѣры и производя многочисленныхъ пробы, „Грифъ“ медленно подвигался въ сторону Югорскаго Шара.

— Вы утверждаете, что это пласмодій? — спросилъ однажды вечеромъ, подойдя къ Туманову, Сванборгъ. — Но вѣдь пласмодій, это — простѣйшее существо, отъ котораго путемъ дальнѣйшаго развитія появились и другіе организмы, и давно уже въ своей первоначальной формѣ вымерло на нашей планетѣ?

— Такъ думали, — сказалъ академикъ. — Мнѣ удалось найти его зародыши въ трещинахъ самыхъ старыхъ каменныхъ углей, добываемыхъ съ большой глубины. Тамъ, въ нѣдрахъ земли, они притаились и пережили тысячелѣтія. Я ихъ призвалъ къ жизни, изучилъ ихъ страшную силу, заставилъ размножаться съ необычайной быстротой и мечталъ...

— Мечтали? — спросилъ Сванборгъ. — О чемъ?

— О счастьи человѣческомъ... — вздохнувъ, отвѣтилъ ученый. — О томъ, чтобы заставить пласмодій изъ врага превратиться въ друга. Я хотѣлъ... Но пусть лучше расскажетъ вамъ объ этомъ профессоръ Самойловъ. Онъ такъ много работалъ съ инокореннымъ пласмодиёмъ.

Всѣ собрались около молодого ученаго.

— Если помѣстить въ землѣ отбросы

городовъ, трупы животныхъ или растений, каменный уголь, опилки или валежникъ, — началъ свой разсказъ Самойловъ; — и засѣять въ такую землѣ зародыши пласмодія, то онъ, пожирая эти остатки, согрѣваетъ почву и удобряетъ ее. Въ сѣверныхъ широтахъ, благодаря работѣ пласмодія, могутъ расти и зрѣть такія растенія, родина которыхъ знойная Индія; можно снимать по три урожая въ годъ, а одно зерно пшеницы дастъ колосъ въ 350 зеренъ.

— Почему же ученые ничего объ этомъ не знали? — съ недоумѣніемъ въ голосѣ спросилъ Сванборгъ. — Вѣдь это — величайшее открытіе вѣка!

— Да, — согласился съ нимъ Самойловъ и, нагнувшись къ самому уху скандинавскаго ученаго, началъ шептать: — Это величайшее открытіе моего учителя, мечтавшего объ облегченіи суровой жизни на землѣ, сдѣлалось кошмаромъ его жизни. Я боюсь разсказывать, боюсь, чтобы Тумановъ не услышалъ.

Сванборгъ взялъ молодого профессора подъ руку и увелъ его на ютъ. Здѣсь они оперлись о бортъ парохода, и Самойловъ разсказалъ мрачную исторію возрожденія пласмодія и открытія способовъ его примѣненія для земледѣлія.

— Когда Тумановъ добылъ зародыши пласмодія и получилъ первыя колоніи этого полугриба, полуплѣсени, — мы устроили огородъ на небольшомъ академическомъ дворикѣ, мы перерыли въ одномъ углу землю, перемяшали ее со всякимъ соромъ, опилками и обрывками коры, сложенными дворниками около полѣвницъ дровъ. Когда затѣмъ были приготовлены грядки, мы засѣяли на нихъ зародыши пласмодія. Ожидали мы съ большой тревогой, бѣгали на нашъ огородъ чуть ли не каждую минуту. А надо вамъ сказать, что на дворѣ былъ декабрь, и морозы стояли ужасные. Одинъ изъ ассистентовъ, Яковъ Силинъ, вбѣжалъ однажды къ намъ и крикнулъ:

„— Паръ идетъ отъ грядки!

— Мы бросились на дворъ и увидѣли, что отъ грядъ дѣйствительно поднимается густой

парь и опадаетъ на землю тяжелой изморосью. Мы измѣрили температуру земли: она оказалась нагрѣтой до 30 градусовъ. Тумановъ намъ сказалъ тогда:

— Я не ошибся. Въ нашихъ рукахъ находится пласмодіи, ужасный грибокъ, пожравшій въ прежнія геологическія эпохи гигантскіе дѣса, покрывавшіе почти всю нашу планету. Это онъ подтачивалъ стволы плауновъ и гигантскихъ древовидныхъ папоротниковъ, а они падали въ рѣки и озера, сносились водою въ глубокія долины и, покрываясь слоемъ песку и глины, медленно сторали, превращаясь въ каменный уголь. Теперь мы поѣдемъ на нашихъ грядахъ рожъ и горохъ!

— Мы очень удивились, такъ какъ думали, что посѣянные зерна немедленно будутъ съѣдены пласмодіемъ. Однако Тумановъ велѣлъ намъ перерыть еще всю землю и, бросивъ щепотку какой-то соли, полилъ гряды водою.

— Теперь, — сказалъ онъ: — пласмодій впадетъ въ состояніе бездѣятельности. Онъ будетъ лишь переваривать поглощенную имъ пищу, удобрять и нагрѣвать землю.

— Такъ и случилось! — воскликнулъ Самойловъ. — Черезъ десять дней въ 25-градусный морозъ изъ земли поползла трава. Ее билъ и сушилъ морозъ, но зеленныя части растеній неудержимо тянулись кверху. Тогда мы покрыли наши гряды рогожами, и этого было достаточно для того, чтобы рожъ заколосилась, горошекъ быстро отцвѣлъ и далъ стручки...

Самойловъ вздохнулъ и умолкъ.

— Чтѣ же дальше? — спросилъ Сванборгъ.

— Особенно много занимался открытіемъ Туманова его ассистентъ Силинъ. Какъ разъ во время этихъ работъ онъ сдѣлалъ предложеніе Нинѣ, дочери Тумановыхъ. Она сначала согласилась, но потомъ отказала Силину, и онъ, считая меня виновникомъ своей неудачи, заразилъ меня пласмодіемъ. Сдѣлалъ онъ это тогда, когда я спалъ и не могъ сразу принять мѣры къ борьбѣ. Онъ скрылся потомъ, захвативъ съ собою

нѣсколько трубокъ съ пласмодіемъ, и съ той поры мы Якова Силина не видали.

— Чтѣ было съ вами? — спросилъ слышавшій разсказъ профессора командиръ.

— Я хворалъ три года и два раза за это время былъ на краю гибели, — отвѣтилъ Самойловъ. — Меня спасла поѣздка въ Египетъ, гдѣ я цѣлое лѣто лежалъ подъ знойнымъ солнцемъ Африки.

Однако голосъ молодого профессора звучалъ грустно, а норвежець, тихо прикоснувшись къ его рукѣ, спросилъ:

— Извините за любопытство! Вы женаты?

Самойловъ быстро отошелъ отъ перилъ и нѣсколько разъ прошелся по палубѣ.

— Нѣтъ, господинъ Сванборгъ! Я не женатъ...

На этомъ разговоръ ихъ прекратился; норвежскій ученый не рѣшался задать еще одинъ вопросъ, а Самойловъ угрюмо смотрѣлъ на небо и слѣдилъ за черной тучей съ бѣлыми разорванными краями, ползущей по небу. Оба чувствовали себя неловко. Изъ этого затрудненія вывелъ ихъ рѣзкій порывъ вѣтра, заставившій вздрогнуть весь корпусъ судна.

— О, какой, свѣжій вѣтеръ! — воскликнулъ Сванборгъ. — Полярныя воды долго не остаются спокойными...

Новый порывъ заглушилъ его слова, а вслѣдъ за этимъ раздались сверху пронзительный свистокъ и громкій голосъ одного изъ боцмановъ:

— Крѣпить снасти! Подтянуть тали у шлюпокъ!

На палубѣ послышались топотъ ногъ, новыя свистки и глухой гудокъ парохода.

Вѣтеръ былъ съ кормы. Море уже почернѣло, и на верхушкахъ поднявшихся волнъ зловѣщими пятнами заблѣли пѣнистые гребни. Они догоняли судно и, ударяясь о корму, словно зубами впивались въ его черную желѣзную обшивку. Пароходъ вздрагивалъ и съ жалобнымъ скрипомъ рѣзкими прыжками подвигался впередъ, то забираясь на самыя вершины волнъ, то стремительно скатываясь внизъ.

Всѣ попрятались въ нижнія помѣщенія; по палубѣ гуляли волны, перекатываясь съ кормы до самаго носа. На капитанскомъ мостикѣ стоялъ въ непромокаемомъ плащѣ командирь, всегда шумный и возбужденный, и, смотря въ бинокль, говорилъ находившемуся тутъ же Туманову:

— Слѣва отъ насъ долженъ быть огонь! Тамъ—Колгуевъ и деревня Юланга, гдѣ находится старый, еще не упраздненный маякъ. Но я не вижу огня... Что это значить?

Онъ приказалъ дежурному матросу позвать норвежскихъ бопмановъ. Они подтвердили, что въ Юлангѣ всегда горитъ огонь, и что теперь они его тоже не видятъ. Надвигая на глаза свои кожаные шапки, они съ недоумѣніемъ всматривались въ туманъ и на едва замѣтный на сѣверѣ высокій, изрѣзанный берегъ большого острова.

Они пожимали плечами, изрѣдка перекидываясь короткими замѣчаніями.

— Шлюпка на морѣ!—крикнулъ штурманъ.

Дѣйствительно, черная точка съ лѣвой стороны отъ „Грифа“ то появлялась, то исчезала среди водяныхъ горъ. Всякій разъ, когда лодка стремительно проваливалась въ пучину, всѣмъ наблюдавшимъ за нею казалось, что она уже не выплыветъ, но черная точка снова выносилась на гребень волны и, мелькнувъ на одно мгновение, опять исчезала.

Хотя уже смеркалось, люди, сидящіе въ лодкѣ, не могли не замѣтить парохода. Онъ густо гудѣлъ и завывалъ сиреной, оставляя въ воздухѣ длинную и черную полосу дыма.

Въ бинокль можно было разглядѣть, что въ шлюпкѣ было трое людей. Сидѣвшій на рулѣ оглянулся на идущій сзади пароходъ, и тотчасъ же на шлюпкѣ подняли косою парусъ. Лодка, какъ чайка, понеслась по волнамъ, перелетая съ гребня на гребень и зарываясь носомъ въ гѣбу. Помогаая вѣтру, торопливо взмахивали весла.

— Они убѣгаютъ отъ насъ!—съ недоумѣніемъ сказалъ одинъ изъ норвежцевъ.

— Это совсѣмъ непонятно!—пожалъ плечами командиръ „Грифа“.

— Въ этихъ широтахъ нѣтъ контрабандистовъ. Не пираты же они въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь нападать на промысловыя суда въ такой посудинѣ—глупо.

Подумавъ немного, онъ рѣшилъ что-то и скомандовалъ въ машинное отдѣленіе:

— Полный ходъ! Всѣ по мѣстамъ! Готовься къ маневру!

— Курсъ по шлюпкѣ!—сказалъ онъ, повернувшись къ штурману.

— Есть! Курсъ по шлюпкѣ!—повторили тѣ.

Съ каждымъ поворотомъ винта пароходъ настигалъ убѣгающую лодку.

„Грифъ“, взявъ подъ вѣтеръ, обошелъ ее и вдругъ застопорилъ машину.

Командиръ въ рупоръ крикнулъ, перегнувшись черезъ парапетъ мостика:

— Убери парусъ и лови конецъ!

Заслышавъ приказаніе, трое людей, сидѣвшихъ въ шлюпкѣ, спустили парусъ и, переложивъ руль на правый бортъ, подошли къ „Грифу“ и ловко поймали брошенный имъ линекъ.

III.

Встрѣча съ бригомъ „Ужасъ“.

На „Грифѣ“ въ каютъ-компаніи за столомъ сидѣли командиръ судна, Тумановъ, Сванборгъ, Самойловъ и оба норвежскихъ боцмана.

Взятые на бортъ люди не внушали къ себѣ довѣрія и не возбуждали симпатій. Злобныя лица ихъ, искаженные дурной усмѣшкой, и косящіе, бѣгающіе глаза заставляли догадываться, что въ жизни этихъ загорѣлыхъ, коренастыхъ людей было много мрачныхъ страницъ.

— Вы кто такіе?—спросилъ командиръ.

Они быстро переглянулись, и одинъ изъ нихъ, сказавшійся болѣе пожилымъ, отвѣтилъ, сильно картавя:

— Морскіе люди мы, мореходы, значить...

— Чѣмъ промышляете?—допрашивалъ командиръ.

— Рыбу промышляемъ, нарвалагоняемъ, моржа бьемъ, господинъ.

— Какъ тебя звать?

— Никифоръ...

— Въдь не на этой же шлюпкѣ мотае-
тесь вы по океану? — спросилъ старшій
боцманъ.

— Знамо, нѣтъ! — отвѣтилъ, ухмы-
ляясь, допрашиваемый.

— Вы съ какого судна? — продолжалъ
вывѣдывать командиръ.

— Съ большого... — нагло смѣясь, ска-
залъ Никифоръ.

— Лясы не точи, дѣло докладывай,
если линьковъ съ десятокъ не хочешь! —
крикнулъ, ударяя кулакомъ по столу, коман-
диръ. — Ну!

— Намъ, господинъ, ничего не велѣно
сказывать! — глухимъ голосомъ отвѣтилъ
Никифоръ. — Скажемъ только: ежели ка-
сатку встрѣтишь, — знай, и кить тутъ гдѣ-
нибудь поблизости... Мы что? Мы — касатки.

— Ладно! — угрюмо произнесъ коман-
диръ. — Ни разу не биваль я у себя на
борту людей. А ты попробуешь, видно. За-
говоришь тогда, да, гляди, не поздно бы
было!

— Какъ вашей милости будетъ угодно, —
пробормоталъ тотъ. — А только мы ип при
чемъ...

— Посмотримъ! — прервалъ его коман-
диръ. — А зачѣмъ отъ Колгуева или? Тамъ
теперь рыбы нѣтъ!

— Живой грузъ возили... Человѣка на
берегъ доставили.

— Человѣка? Какого человѣка? — спра-
силъ Тумановъ.

— Женщину... — неохотно отвѣтилъ Ни-
кифоръ. — А какъ доставили, на маякѣ смо-
тритель огонь погаситъ велѣли. Васъ за-
примѣтили. Боялись — въ Иодангу пойдете!

Самойловъ поднялся и подошелъ къ гово-
рившему:

— А сколько дней изъ Хайпудырской
губы шли вы сюда на „Ужасъ“?

Никифоръ умолялъ и потупился:

— Намъ ничего неизвѣстно...

— Линьковъ! — скандовалъ коман-
диръ, и матросы схватили Никифора и его
товарищей, рослыхъ парней, съ лицами, до

самыхъ глазъ заросшими включенными бо-
родами.

Никифоръ молчалъ, а остальные бормо-
тали что-то и брызгали слюной, стараясь
освободиться изъ дюжихъ рукъ матросовъ.

— Чтѣ они говорятъ? — спросилъ Са-
мойловъ.

— Они оба нѣмые, господинъ! — пояс-
нилъ, мрачно вскидывая на профессора
глаза, Никифоръ. — Языки у нихъ отрѣ-
заны...

Допросъ длился еще долго, такъ какъ
отъ наказанія взятыхъ на борту людей рѣ-
шено было отказаться.

Никифоръ не проронилъ болѣе пи слова.
Онъ уставилъ глаза въ палубу и молчалъ.
Двое нѣмыхъ безсвязно бормотали глухими,
гортанными голосами, дрожа и кланяясь.

— Отпустите ихъ! — сказалъ Тума-
новъ. — Все равно отъ нихъ ничего не до-
бьетесь!

— Чортъ съ вами! Убирайтесь вы къ
своему киту и скажите, чтобы онъ не встрѣ-
чался съ Федоромъ Любимовымъ, а не то
попробуетъ онъ моего Гочкиса.

Неуловимая усмѣшка мелькнула по лицу
Никифора, и онъ, низко поклонившись, по-
шелъ къ борту, махнувъ рукой своимъ то-
варищамъ.

Когда всѣ вышли на палубу, море тонуло
въ густомъ мракѣ, и, невидимыя уже, мета-
лись и ревѣли волны. Гдѣ-то на горизонтѣ
мигнулъ огонь. Зеленоватая вспышка его
едва была замѣтна. Черезъ нѣсколько мгно-
веній всѣ услышали, что надъ „Грифомъ“
съ визгомъ п шипѣниемъ пронеслась ракета,
оставляя за собою огненный слѣдъ. Другая
и третья ракеты пронизали мракъ, и одна
изъ нихъ съ трескомъ разорвалась за кор-
мой парохода.

— По судну стрѣляютъ! — воскликнулъ
капитанъ Любимовъ. — Погаситъ баковые
огни и огонь на фокъ-мачтѣ! Сидорчукъ,
къ пушкѣ! Господа, — обратился онъ къ
членамъ экспедици: — я попрошу васъ уда-
литься въ каюты.

Въ приготовленіяхъ къ возможному бою
никто не замѣтилъ, какъ шлюпка Никифора,

поднявъ парусъ, отошла отъ „Грифа“, и какъ ее тотчасъ же поглотилъ мракъ.

Выстрѣлы больше не повторялись, и море кругомъ было совсѣмъ пустынно.

„Грифъ“ шелъ безъ огня. Сидорчукъ, опытный и мѣткій канониръ, оставался у пушки; у штурвального колеса смѣнялись норвежцы, а командиръ не сходилъ съ мостика.

Когда къ нему поднялся Самойловъ, капитанъ Любимовъ съ большимъ неудовольствіемъ отнялъ бинокль отъ глазъ и повернулся въ сторону ученаго.

— Профессоръ, — сказалъ онъ строго: — я вѣдь васъ просилъ оставаться въ каютахъ. Здѣсь бой, — и здѣсь ужъ наше дѣло!

— На морѣ никого нѣтъ, — возразилъ Самойловъ. — Нашъ невидимый врагъ ушелъ!

— Нѣтъ, — покачалъ головою Любимовъ. — Я — старый морякъ, и у меня есть чутье. Оно мнѣ подсказываетъ, что опасность очень близка отъ „Грифа“, и я чувствую ея приближеніе...

— Капитанъ, — сказалъ Самойловъ: — всѣ члены нашей экспедици поручили мнѣ просить васъ взять курсъ на Колгуевъ. Мы хотимъ знать, кто былъ свезенъ отпущенными нами людьми на островъ. Это можетъ многое объяснить намъ.

Лицо Любимова, обычно такое веселое и добродушное, сдѣлалось темнымъ и злымъ.

— Простите! — произнесъ онъ глухимъ голосомъ. — Мое судно было обстрѣлено, и я долженъ найти и наказать виновнаго.

— Онъ, вѣроятно, гораздо сильнѣе „Грифа“... — замѣтилъ Самойловъ.

— Если вамъ угодно, я дамъ вамъ восьмивесельный вельботъ, и вы можете покинуть судно. Но я знаю, чтд мнѣ дѣлать...

— Вы погибнете... — попробовалъ подействовать на рѣшеніе командира профессоръ.

— Милостивый государь! — сказалъ, отчеканивая каждое свое слово, Любимовъ: — прошу васъ не вмѣшиваться въ распоряженія командира судна и немедленно отпавляться въ свое помѣщеніе!

Самойловъ, видя всю бесполезность убѣ-

жденій, повернулся и началъ сходить съ мостика. Онъ былъ уже на половинѣ лѣстницы, какъ вдругъ сверху раздались быстрые шаги Любимова и его тихій окрикъ:

— Готовъ пушку! Курсъ на западъ!

— Есть! Курсъ на западъ! — такъ же тихо, словно эхо, повторилъ приказъ штурвальный.

Самойловъ сбѣжалъ на палубу и, прижавшись къ стѣнѣ каютъ-компаніи, началъ наблюдать.

Надъ моремъ повисъ тяжелый, непроницаемый мракъ. Даже сѣдые гребни ударяющихъ въ борта „Грифа“ волнъ не выдѣлялись изъ темноты. На небѣ не было ни одной звѣзды.

Однако сквозь плескъ волнъ и свистъ вѣтра до слуха Самойлова доносились какой-то шумъ и гудѣніе. Порой ему казалось, что въ темнотѣ что-то маячитъ, большое и призрачное, и мчится впередъ прямо на него.

— Онъ опять скрылся... — послышался тихій голосъ Любимова, и капитанъ началъ по-норвежски объяснять шкиперу: — Я его видѣлъ слѣва на меридіанѣ Юланги. Большой трехмачтовый парусникъ... Всѣ паруса были поставлены, и шелъ онъ бѣшенымъ ходомъ... А теперь пропалъ, словно въ воду канулъ...

— Можетъ-быть... пиратъ? — замѣтилъ норвежець. — Хотя о такихъ крупныхъ разбойникахъ здѣсь никогда не было слышно.

— Чортъ его знаетъ, кто онъ! — выругался Любимовъ. — Только пусть онъ лучше бросится на меня, а не пропадаетъ такъ... сразу.

Вѣтеръ понемногу стихалъ, и небо начало свѣтлѣть. Тучи мчались еще, но тамъ, гдѣ онъ прорывался, виднѣлся уже туманный, дрожащій свѣтъ луны.

Когда лучи ея упали на море въ мплѣ къ сѣверо-западу, Самойловъ увидѣлъ на фонѣ свѣтлага неба черные паруса и узкій корпусъ судна, накренившася на лѣвый бортъ и быстро рѣжущаго воду.

— Парусникъ идетъ па насъ! — крикнулъ онъ, поднимая кверху голову.

— Есть!—отвѣтили вахтенный матросъ, и все стихло.

Черное судно быстро приближалось. Уже видна была высокая волна, вскидываемая его острымъ носомъ, и длинный кормовой флагъ, полощущійся въ водѣ. Судно шло безъ огней, и по ходу его не трудно было догадаться, что оно намѣрено пересѣчь путь „Грифа“.

— Полный ходъ!—скомандовалъ вдругъ громкимъ и увѣреннымъ голосомъ командиръ.—Руль прямо! Готово?

— Есть! — отвѣтилъ голосъ Сидорчука.—Готово!

— Пли!

Одинъ за другимъ три гулкихъ выстрѣла грянули надъ палубой и озарили мгновенными вспышками бортъ и бьющіяся за нимъ волны.

Набѣжали тучи, и опять густой мракъ окуталъ все. Судно исчезло, и не слышно было игры вѣтра въ его парусахъ и плеска воды у носа.

— Стопъ! — раздалась команда, и „Грифъ“, постепенно умѣряя ходъ, началъ вздрагивать подъ ударами волнъ, бьющихъ въ корму.

Постѣ выстрѣловъ вѣтъ выбѣжали на палубу, но не увидѣли уже парусника. Началась разспросы, но ихъ тотчасъ же прервала посланный капитаномъ вахтенный матросъ, передавшій приказаніе командира немедленно отправиться въ каюты.

Приказъ былъ исполненъ, и только спрятавшійся въ тѣни Самойловъ остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, почти у самага борта.

На капитанскомъ мостикѣ Любимовъ вполголоса совѣщался съ норвежцами.

Слова не доносились до Самойлова, и онъ, не видя ни зги впереди, задумался, опершись о тумбу для причаловъ.

Очнулся онъ отъ вѣтра, пахнувшего ему въ лицо, и страннаго шума, раздавагоса рядомъ съ бортомъ.

Гигантская черная тѣнь, чернѣе мрака, медленно надвинулась и остановилась.

Профессоръ поднялъ голову и высоко

надъ собою увидѣлъ паруса и верхушки трехъ мачтъ.

Нѣсколько черныхъ тѣней, казавшихся призраками въ туманной ночи, забѣгало вдоль ставшаго рядомъ съ „Грифомъ“ большого парусника, и желѣзные крючья багровъ, какъ когти хищной птицы, вонзились въ бортъ парохода.

Самойловъ услышалъ рѣзкій, тревожный свистокъ и взволнованный голосъ Любимова, вызывающаго всю команду на палубу.

Одновременно съ этимъ приказаніемъ откуда-то изъ темноты раздался властный окрикъ:

— Ни съ мѣста, если не хотите пойти ко дну! По какому праву напали вы на моихъ людей и стрѣляли по мнѣ? Я — командиръ брига „Ужасъ“.

На высокомъ мостикѣ, помѣщенномъ почти на самомъ носу брига, сразу всыхнули факелы.

Четверо матросовъ въ желтыхъ непромокаемыхъ плащахъ и надвинутыхъ на глаза капюшонахъ освѣщали стоящаго у самыхъ перилъ человѣка. Онъ былъ безъ плаща и стоялъ съ непокрытою головою.

Длинные съ сильною просѣдью волосы обрамляли красивое блѣдное лицо. Глаза незнакомца были мрачны и неподвижно смотрѣли прямо передъ собою. Казалось, что эти глаза были мертвы. Тонкія руки стоящаго на мостикѣ человѣка впились въ перила съ какою-то жестокостью а можетъ-быть, отчаяніемъ.

— Я — командиръ брига „Ужасъ“, — повторилъ онъ и вдругъ улыбнулся горькой, жалобной улыбкой.

— Вы—Яковъ Силинъ?—сказалъ, подходя вплотную къ борту, Самойловъ.

— Силинъ?.. — будто недоумѣвая, не глядя на профессора, спросилъ онъ. — Да, такъ, кажется, меня когда-то звали. Но теперь я—командиръ „Ужаса“, и самъ я—ужасъ... ужасъ земли. Я — титанъ, полубогъ!

Онъ поднялъ вверхъ руку и обвелъ ею широкій кругъ.

— Я кинулъ огонь и разрушающую силу взрыва на мертвую подругу нашей планеты—луну,—продолжалъ онъ.—Я отравилъ живымъ ядомъ океанъ и людей и сдѣлаю всё моря, всё воды мертвыми, какъ мертва моя душа. Замерзшій камень я могу превратить въ дѣвственны садъ и полную кипучей жизни пучину океана — въ огромное кладбище!

— Яковъ Силинъ! — крикнулъ ему Самойловъ. — Что сдѣлали вы съ Ниной Тумановой? Если она мертва — кара неба не минуетъ васъ!

Наступило молчаніе. Слышно было, какъ падали угольки факеловъ, и шелестѣли развѣваемые вѣтромъ плащи матросовъ.

Силинъ заговорилъ. Голосъ его былъ нѣженъ, какъ напѣвъ, и вздрагивалъ отъ волненія:

— Нина... Нина... Нѣтъ! нѣтъ!.. Она жива... Если бы она умерла, я уничтожилъ бы все человѣчество! Проклятые, мерзкіе черви, трусливые и злобные! Но я все дѣлалъ, чтó она хотѣла... Я былъ, какъ богъ, могущественный, не знающій преградъ... И она не любила меня! Ни разу не приблизила она меня къ себѣ, ни разу не узнала я ея мыслей и надеждъ... Пусть же теперь она идетъ туда, къ этимъ наукамъ, червямъ и змѣямъ! Пусть! пусть! Не пожалѣла она меня, не пожалѣла человѣчества. Между нимъ и мною теперь смертельный, послѣдній бой. Командиръ брига „Ужасъ“ объявилъ войну!..

Онъ рѣзко свистнулъ, и тотчасъ же погасли факелы, и въ густомъ мракѣ лишь маячили паруса и мачты брига, похожаго на гигантскій, кошмарный призракъ.

Неслышно сняли невидимые люди крючья съ борта „Грифа“, и парусникъ, рванувшись, быстро пошелъ впередъ, черный, безъ огней, и легкій, какъ видѣніе.

— Курсъ на Хайпудырскую губу! — командовалъ Любимовъ, и паруходъ двинулся

слѣдомъ за бригомъ, уже скрывшимся въ темнотѣ.

Ночью Силинъ два раза позволилъ „Грифѣ“ настигнуть себя. Бригъ останавливался, а потомъ медленно и молчаливо обходилъ паруходъ, словно дразня и вызывая его на бой, и опять уносился въ даль, оставляя за собою тревогу и смутное предчувствіе бѣды.

Вся команда съ ружьями и топорами была спрятана за бортомъ парухода, такъ какъ командиръ ожидалъ нападенія, и только тогда всё успокоилось, когда изъ-за тучъ блеснули первые, еще не яркіе, лучи солнца. На морѣ нельзя было разглядѣть ни мачтъ ни парусовъ брига.

— Будто привидѣніе стояло сегодня возлѣ насъ и кружилось около „Грифа“, — замѣтилъ, понуря голову, утомленный капитанъ. — Если еще это повторится — на кораблѣ возникнетъ паника.

— Парусъ съ праваго борта! — раздался крикъ матроса съ мачты.

Часа черезъ два навстрѣчу „Грифѣ“ попалась парусный китобойный баркасъ „Альма“. Посигнализовавъ судну, Любимовъ выяснилъ, что „Альма“, подъ командой шкипера-датчанина, идетъ въ Европу и зайдетъ за водою и дровами въ Іолангу.

— Попросите судно остановиться и принять пассажира до Колгуева! — сказалъ Самойловъ.

— Вамъ угодно покинуть „Грифъ“? — спросилъ съ презрѣніемъ въ голосѣ командиръ.

— Да! Я отправляюсь въ Іолангу, капитанъ! — сухо отвѣтилъ профессоръ.

Любимовъ, не взглянувъ на Самойлова, крикнулъ:

— Шлюпку на воду!

Съ парухода видѣли, какъ „Альма“ приняла на бортъ профессора, и когда шлюпка вернулась, „Грифъ“ двинулся на востокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бригъ „Ужасъ“.

Рассказъ А. М. Оссендовскаго.

(Окончаніе).

IV.

Мрачные слѣды брига.

Бригъ Сирина исчезъ, но за нимъ шелъ мрачный слѣдъ. Къ вечеру „Грифъ“ вошелъ въ полосу мертвой рыбы. Острый носъ парохода рѣзалъ тысячи уснувшей трески, а подъ ударами винта тѣла погибшей рыбы превращались въ зловонное мѣсиво. Среди погибшей трески и гниющей сельди попадались трупы нарваловъ и тюленей.

— Взгляните туда!—воскликнулъ, указывая на западъ, Тумановъ.

Насколько хваталъ взглядъ, море превратилось въ пловучее кладбище и казалось покрытымъ снѣгомъ.

— Рыба успѣла уже замерзнуть,—сказалъ командиръ. — Это неудивительно! Ночь была свѣжая.

— Это—пласмодій!—возразилъ академикъ. — Это онъ бѣлой, серебристой плѣсенью, какъ пухомъ, покрылъ погибшихъ животныхъ, а надъ ними теперь поднимается легкій паръ. Пласмодій быстро и жадно пожираетъ свои жертвы.

— Здѣсь гнѣтъ грузъ доброй полусотни паровыхъ баржъ,—замѣтилъ Любимовъ. — Норвегія и Швеція будутъ голодать!

— Хуже всего то, что вся эта рыба,—воскликнулъ академикъ: —будетъ разнесена волнами по океану, выкинута на берегъ и станетъ заражать все, что попадется на ея пути. Надо убить пласмодій... убить во что бы то ни стало!

— Но какъ это сдѣлать? — спросилъ Сванборгъ.

— Капитанъ,—обратился Тумановъ къ командиру:—на „Грифъ“ есть запасъ нефти?

— Есть на случай недостатка угля или вообще твердаго топлива, — отвѣтилъ Любимовъ.

— Велите поднять бочки на палубу и вылить за бортъ, — распорядился старый ученый.

Вскорѣ по волнамъ побѣжали радужныя пятна и расходились все дальше и дальше.

Когда мертвая рыба осталась позади, и „Грифъ“ шелъ полнымъ ходомъ, раздался тревожный сигналъ сирены.

Въ каютъ-компаниі въ это время обѣдали, а потому тревога вызвала переполохъ и суматоху.

Первымъ выбѣжалъ на палубу и вихремъ взлетѣлъ на мостикъ самъ командиръ.

— Чтѣ? Опять подходить? — спросилъ онъ, тревожно оглядывая безбрежный водной просторъ.

— Никакъ нѣтъ!—отвѣтилъ матросъ. — Только вотъ тамъ чернѣются въ морѣ люди. Я спервоначала думалъ — нерпы плывутъ, а потомъ головы разглядѣлъ человѣчьи.

Любимовъ долго смотрѣлъ въ бинокль, а потомъ сказалъ:

— Мертвыя тѣла за бортомъ! Подойдемъ—увидимъ, кто такіе?

Когда „Грифъ“ поравнялся съ ними, застопорили машину, и трое матросовъ вошли въ спущенную шлюбку. Они баграми и крючьями зацѣпили и подвели къ борту „Грифа“ три трупа.

— Зарѣзанные они!—пояснили матросы.

Когда трупы были подняты на палубу, всѣ переглянулись. Они узнали Никифора и двухъ его нѣмыхъ спутниковъ. Воротники ихъ рубахъ были разстегнуты, а въ нижней части шеи, тамъ, гдѣ она переходила въ грудь, виднѣлись трехугольныя отверстія. Глаза убитыхъ были открыты, и въ нихъ застылъ страхъ, послѣдній въ ихъ жизни, смертельный страхъ. Когда откинули плотно надвинутые на головы капюшоны плащей, даже Любимовъ не могъ сдержать крика.

Волосы несчастныхъ были сбиты, и на темени каждаго, на вздувшейся и распухшей кожѣ виднѣлись зловѣщія черныя пятна.

— Это—клейма!—крикнулъ, отшатнувшись отъ труповъ, старшій боцманъ.

Дѣйствительно, на сожженной и потрепавшейся кожѣ виднѣлась кроваво-черная надпись:

„Бригъ „Ужась“.

Всѣ стояли, подавленные видѣннымъ, и не произнесли ни слова, только взгляды всѣхъ невольно искали на тускнѣющемъ уже морѣ новыхъ слѣдовъ зловѣщаго брига. Лица блѣднѣли при мысли, что вдругъ изъ сумерекъ вынырнутъ паруса и мачты судна, управляемаго зловѣчнымъ, ненавидящимъ все живое, человѣкомъ. Всѣ думали о томъ, что ожидаетъ ихъ при встрѣчѣ съ бригомъ, и съ напряженіемъ искали выхода изъ опаснаго положенія.

Только командиръ и норвежцы казались спокойными.

Они тихо совѣщались о чемъ-то и изрѣдка указывали на море.

— Федоръ Павловичъ!—сказалъ, подходя къ Любимову, Тумановъ:—мы не скроемъ отъ васъ, что насъ страшитъ возможная встрѣча съ Силинымъ. Мы васъ просимъ доставить насъ въ Колгуевъ, откуда мы будемъ въ состояніи вызвать для нашей охраны болѣе надежное судно, чѣмъ „Грифъ“.

— Господа!—прервалъ его командиръ:—я васъ прошу пройти въ каютъ-компанію. Я сейчасъ спущусь туда и надѣюсь, что вы согласитесь со мною и пойдете на мои условія.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сошелъ съ капитанскаго мостика и, подойдя къ трапу, ведущему въ каютъ-компанію, подозвалъ матроса и приказалъ ему никого не выпускать изъ пассажирскаго помѣщенія.

— Есть!—отвѣтилъ матросъ, глядя вслѣдъ спускающейся внизъ могучей и грузной фигурѣ командира.

Любимовъ засталъ всѣхъ въ сборѣ.

— Господа!—сказалъ онъ безъ обычной улыбки.—Не скрою, что моему судну грозитъ большая опасность. Скажу больше: „Грифъ“, вѣроятно, идетъ на вѣрную смерть. Поэтому понятно, что я долженъ быть рѣшительнымъ. Я не буду медлить—мнѣ некогда! Долгъ мой, какъ всякаго моряка, встрѣтившаго пирата, — поймать его и выдать въ руки правосудія. Такъ сдѣлаю и я! „Грифъ“ идетъ Хайпудырскую губу и дойдетъ туда! Если я не захвачу командира парусника—я или погибну, или же узнаю его постоянную стоянку, куда приведу потомъ военное судно. Таковъ мой курсъ, господа, и если вы позволите себѣ сопротивляться мнѣ или при командѣ говорить о страхахъ и прочемъ вздорѣ, я выброшу васъ въ море. Господа, я считаю, что вы отнынѣ получили предостереженіе, и буду поступать такъ, какъ мнѣ предписываютъ законъ и обстоятельства.

Приложивъ руку къ козырьку фуражки, Любимовъ спокойно вышелъ.

V.

Въ Хайпудырской губѣ.

Командиръ „Грифа“ проявлялъ необычайную энергію и неутомимость. Онъ почти не спалъ, оставаясь все время на палубѣ, совѣщаясь съ норвежцами и дѣлая какія-то ириготовленія.

Когда „Грифъ“ прошелъ уже мысъ „Русскій Заворотъ“ и былъ на меридіанѣ „Гуляевскихъ Кошекъ“, Любимовъ замѣтилъ на горизонтѣ парусъ.

Онъ встревожился, вызвалъ на палубу норвежскихъ боцмановъ и двухъ старыхъ матросовъ. Они вынесли на палубу какіе-то

мѣшки и опустили ихъ въ воду, прикрѣпивъ на баграхъ къ борту парохода.

Тревога однако была ложной. Бѣлѣвшійся вдали предметъ оказался не парусомъ, а ледяной горой. „Грифъ“ вошелъ въ ту часть Ледовитаго океана, гдѣ въ это время года встрѣча съ айсбергами не была рѣдкостью.

Ворясь со льдами и лавируя среди ледяныхъ пиковъ и сплошныхъ полей, „Грифъ“ медленно подвигался въ сторону острова Долгаго.

Обогнувъ его въ 25 миляхъ отъ берега, Любимовъ вошелъ въ Хайпудырскую губу и застопорилъ машину.

— Вамъ, быть-можетъ, угодно сойти на берегъ? — спросилъ онъ у проходившаго по палубѣ Туманова. — Я бы, возвращаясь съ „Безыменнаго Острова“, зашелъ за вами.

— Я спрошу Сванборга, — отвѣтилъ ученый и, вернувшись, заявилъ: — Профессоръ Сванборгъ и я намѣрены плыть на „Грифъ“ до окончанія имъ рейса.

— Отлично! — коротко сказалъ Любимовъ и крикнулъ въ машину: — Полный ходъ впередъ!

Пароходъ быстро входилъ въ закрытый и сравнительно съ бурнымъ моремъ спокойный заливъ.

Когда вода измѣнила цвѣтъ и изъ синевато-зеленой сдѣлалась буро-желтой, что обозначало начало мели, „Грифъ“ тихимъ ходомъ подползалъ къ поднимающемуся изъ-за горизонта острову.

Мель однако неожиданно исчезла, и брошенный въ темную пучину залива лотъ съ 100-саженнымъ линькомъ до дна не дошелъ.

„Безыменный Островъ“ былъ какъ на ладони. Вдали видѣлась изрѣзанная зубцами цѣль горъ, а на плоскій берегъ взбѣгали волны.

— Впередъ! — скомандовалъ Любимовъ. — Черезъ часъ мы будемъ на островѣ.

„Грифъ“ однако не двигался, хотя изъ трубы его валилъ клубами черный дымъ.

— Механикъ! — крикнулъ командиръ въ машинное отдѣленіе: — полный ходъ впередъ!

— Машина не работаетъ, капитанъ! — сказалъ, выходя на палубу, механикъ. — Всѣ золотники, парораспределение, цилиндры и поршни, словомъ — все въ порядкѣ, а машина не дѣйствуетъ.

— Ничего не понимаю! — крикнулъ командиръ. — Вы пьяны, или смѣтаете надо мною?

— Никакъ нѣтъ, капитанъ! — возразилъ механикъ. — Машина дѣйствительно остановилась, и я принужденъ выпустить паръ, такъ какъ боюсь, что онъ разорветъ котель. Остановилась не только машина, но часы и монометръ, капитанъ!

Любимовъ бросился къ компасу. Стрѣлка была неподвижно устремлена на юго-востокъ и даже не вздрагивала отъ легкаго покачивания судна на волнахъ.

Взглянувъ на свои часы, командиръ сказалъ:

— Да... да... догадываюсь... Съ проклятаго острова на насъ направили электрическія волны. Онѣ намагнитили стальные части машинъ, и мы не можемъ двинуться впередъ, если не захотимъ взорвать на воздухъ весь пароходъ... Или, можетъ-быть, это случайное явленіе? — Механикъ! — прикажите онъ: — мы повернемъ въ море... Будьте наготовѣ! Поднять кливверъ!

Матросы закопошились у бушприта, завизжали блоки, и вскорѣ на носу взвился косою парусъ. „Грифъ“, подхваченный спереди вѣтромъ, быстро повертывался кормой къ острову, и когда маневръ былъ оконченъ, Любимовъ приказалъ пустить въ ходъ машину.

Мѣрно застучалъ валъ, и пароходъ началъ двигаться въ сторону выхода изъ бухты.

— Руль на правый бортъ! Полный поворотъ на прежній курсъ! — скомандовалъ капитанъ, но лишь только носъ „Грифа“ сталъ поворачиваться, машина смолкла, жалобно засвистѣлъ паръ, и заскрежетали поршни въ наполненныхъ паромъ цилиндрахъ.

Изъ машиннаго отдѣленія и паротводовныхъ трубъ повалили клубы пара, а судно остановилось, изрѣдка покачиваясь на волнахъ.

Никто не рѣшался подойти къ командиру.

Любимовъ, всегда такой веселый и привѣтливый, былъ мраченъ. Онъ не выпускалъ изъ руки револьвера, готовый, въ случаѣ неповиновенія или опасности, броситься навстрѣчу врагу.

Командиръ ходилъ по мостику и злобнымъ взглядомъ осматривалъ виднѣвшійся вдаль островъ.

Когда Любимовъ принялъ какое-то рѣшеніе, онъ сошелъ внизъ и, созвавъ на ютъ всю команду, объявилъ:

— Скоро ночь, и нельзя идти впередъ, потому что мы не знаемъ этого моря. Однако чортъ меня возьми, если я не дойду до этой проклятой землишки! Ночью ставить вахты почаще! Смотрѣть въ оба и, какъ только что замѣтятъ, бить тревогу немедленно!

Сказавъ это, Любимовъ впервые за послѣдніе дни пошелъ въ свою каюту и, не раздѣваясь, бросился на койку.

Около полуночи тревожные свистки на палубѣ, топотъ ногъ и крикъ у двери его каюты разбудили его.

— Что тамъ такое?—крикнулъ онъ въ стовому, натягивая на себя теплую куртку.

— Стрѣляютъ... стрѣляютъ!...—стуча зубами, отвѣтилъ матросъ.—Бѣда...

— Дуракъ! Трусь! Подлая собака!—загремѣлъ Любимовъ и, оттолкнувъ на-смерть перетрусившаго вѣстового, бросился на палубу.

Море было темно, и густой мракъ висѣлъ надъ водою.

— Съ ума они походили, что ли?—пробормоталъ сквозь зубы Любимовъ.

Гдѣ-то далеко, какъ будто слабый отблескъ зарницы, по небу скользило свѣтлое пятно и погасло. Одновременно съ этимъ командиръ услышалъ ворчаніе и громкое уханье. Не оставалось сомнѣнія, что приближается снарядъ. И онъ дѣйствительно пронесся между мечтами, оставляя за собою длинную полосу свѣтящагося и удушливаго

дыма. Въ полуверстѣ отъ „Грифа“ снарядъ разорвался со страшной силой. Высокій столбъ внезапно вскинувшейся подъ нависшія облака воды и огня взметнулся кверху и всталъ изъ густого мрака, какъ зловѣщій огненный призракъ. Издалека примчалась волна, подняла судно на своемъ пѣнистомъ гребнѣ, стремительно бросила его куда-то внизъ и ушла, маяча и клубясь въ темнотѣ.

Еще и еще, снарядъ за снарядомъ пронеслись надъ „Грифомъ“.

Каждый изъ нихъ ложился все ближе и ближе. Уже брызги разсыпающихся при взрывахъ водяныхъ столбовъ окатывали палубу судна, и Любимовъ, приказавъ приготовить шлюпки, ожидалъ снаряда по „Грифу“. Но невидимый бомбардиръ, очевидно, игралъ съ неосторожнымъ и навоилывымъ противникомъ. Онъ обрушивалъ на палубу парохода цѣлые потоки студеной и соленой воды, забрасывая его врвущимися и грохочущими снарядами со всѣхъ сторонъ.

Послѣ двухъ, а, можетъ-быть, и трехъ часовъ обстрѣла „Грифа“ снаряды начали летать съ грознымъ уханьемъ и какимъ-то лязгомъ во всѣ стороны. Они уносились въ темнотѣ, поднимались къ небу, оставляя за собою, словно улетающія съ земли давно упавшія на нее звѣзды, длинный, ярко очерченный слѣдъ, и пропадали.

Когда надъ далекимъ островомъ погасли злобныя вспышки зарницъ, поднялся вѣтеръ и погналъ передъ собою волны. Пошелъ снѣгъ большими хлопьями, свирѣпла буря, и впереди не было ни зги.

Стоящіе на вахтѣ матросы не выпускали сигнальныхъ рожковъ изъ рукъ и напрасно протирали залѣпляемые снѣгомъ глаза, стараясь что-нибудь разглядѣть. Мачты, палуба и море — все исчезло, все слилось съ мракомъ, въ которомъ что-то металось и мчалось, грозя и пугая.

— Капитанъ, — сказалъ, подходя къ Любимову, механикъ:—мои кочегары и машинисты требуютъ повернуть носъ парохода въ открытое море и дать полный ходъ отсюда, гдѣ насъ ждетъ гибель...

— Вы не имѣете права дѣлать такіа за-

явления командиру судна!—оборвалъ его Любимовъ.—Потрудитесь спуститься въ машинное отдѣленіе и ждать приказаній.

— Слушаю...—пробормоталъ механикъ, быстро сбѣгая по ступенькамъ, ведущимъ съ капитанскаго мостика.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ капитаномъ выросла грузная, коренастая фигура старшаго кочегара. Это былъ мрачный, черный и всегда злой матросъ, неизвѣстнаго происхожденія и национальности, но опытный и чрезвычайно выносливый морякъ.

— Меня послали мои товарищи къ вамъ, капитанъ, сказать...—началъ онъ и осѣкся, когда къ нему подошелъ Любимовъ.

— Ну? — спросилъ онъ и пригнулся, какъ бы готовясь къ прыжку.

— Мы, вы знаете сами, капитанъ, отъ работы не бѣгаемъ, — продолжалъ кочегаръ:—но мы боимся и этого острова и здѣшнихъ водъ. Мы требуемъ сейчасъ же уходить отсюда, если же вы не согласитесь, мы сами сдѣлаемъ это...

Сдавленный крикъ вырвался изъ горла кочегара.

Командиръ, схвативъ его одной рукой за шею, другой обнявъ его и, трянувъ, со всего размаха толкнувъ отъ себя. Грузное тѣло, колыхнувшись, поднялось на воздухъ, ударилося о край висящаго надъ водою мостика и рухнуло въ бьющіяся у бортовъ „Грифа“ волны.

Только вахтенные и штурвальные видѣли это и съ ужасомъ сторонились, когда мимо нихъ проходилъ угрюмый, сразу постарѣвшій и сгорбившійся Любимовъ.

Онъ долго ходилъ по мостику. Тяжелыя думы, такія обидныя и назойливыя, мучили его. Никогда въ жизни онъ не предполагалъ, что ему придется встрѣтиться въ этихъ пустынныхъ моряхъ съ неизвѣстнымъ противникомъ, побѣждающимъ его, оставаясь невидимымъ и недосягаемымъ. Онъ, исколесившій весь міръ, избородившій весь грозный, полный непредугадываемыхъ опасностей Медовитый океанъ, старый и опытный морякъ, чувствовалъ себя совершенно побѣжденнымъ и обезсиленнымъ. Передъ нимъ

тамъ, на неизвѣстной отмели, былъ врагъ, а онъ съ своимъ „Грифомъ“ стоялъ на одномъ мѣстѣ, словно скованный по рукамъ и ногамъ челоуѣкъ.

Это было кошмаръ, злой сонъ, безжалостное наказание, жестокая мука.

И вдругъ Любимовъ закричалъ тонкимъ, пронзительнымъ голосомъ, въ которомъ звучала безсильная злоба и какое-то надрывное отчаяніе:

— Люди къ орудію! Люди къ орудію! Огонь по острову!

— Есть!—отозвался вахтенный и свистнулъ.

Боцманъ повторилъ сигналъ, и около пушки выросли три быстрыя тѣни. Онѣ копошились, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, гремѣли затворомъ орудія и желѣзными носилками для снарядовъ.

— Готово! — послышался голосъ отъ пушки.

— Вѣглый огонь!—тѣмъ же надрывнымъ голосомъ скомандовалъ Любимовъ и, озаряемый багровыми вспышками выстрѣловъ, стоялъ, всматриваясь расширенными глазами въ густой мракъ, и кричалъ, взмахивая, какъ крыльями, широкими полами плаща.

Онъ напоминалъ печальную черную птицу, и голосъ его былъ тревожнымъ крикомъ летящихъ поздней осенью журавлей.

При вспышкахъ выстрѣловъ на мгновеніе освѣщались гребни волнъ и сѣдое, вспѣненное море.

Любимовъ, смотря туда, гдѣ былъ неизвѣстный островъ, не видѣлъ, какъ, вскинувшись на верхушки валовъ, одна за другою скрылись въ темнотѣ двѣ шлопки.

Онъ долго стоялъ, перегнувшись черезъ мостикъ, и кричалъ:

— Огонь! Вѣглый огонь!

Любимовъ не слышалъ того, что орудіе давно уже смолкло, а когда оглянулся, то не увидѣлъ ни вахтенныхъ ни штурвальныхъ.

Онъ съ изумленіемъ протеръ глаза и крикнулъ въ пространство:

— Свистѣть боцмана!

Ему отвѣтилъ порывъ вѣтра, заставившій качнуться весь корпусъ „Грифа“. Цѣлый дождь тяжелыхъ и крупныхъ капель холодной воды брызнулъ на него, волна ударила о корму и, перевалившись черезъ бортъ, побѣжала по палубѣ и сквозь якорныя амбразуры вылилась въ море. Шуму воды и свисту вѣтра откуда-то, будто изъ глубины океана, вторилъ крикъ людей. Полный отчаянія, смертельной тревоги и безнадежнаго призыва, онъ казался страшнымъ, и даже Любимовъ не могъ его слышать безъ содроганія. Онъ заткнулъ пальцами уши и стоялъ блѣдный, потерявшій способность соображать и дѣйствовать.

Онъ ждалъ, что сейчасъ изъ-за борта выползутъ изъ холодной пучины злыя, отвратительныя чудища, обхватятъ его цѣпкими и мокрыми руками, утащатъ въ глубь проклятой бухты и замучатъ среди невѣдомыхъ никому камней и пустынныхъ отмелей.

VI.

Плѣнь.

Любимовъ вздрогнулъ и хотѣлъ бѣжать, когда рядомъ съ нимъ появилась черная тѣнь.

— Останьтеся!—слышался угрюмый, дрожащій отъ волненія, голосъ.—Теперь поздно бѣжать. Вы не хотѣли уходить тогда, когда я требовалъ этого. Теперь же вы въ моихъ рукахъ!

— Кто вы?—спросилъ его, цѣпнѣя отъ невольнаго страха, Любимовъ.

— Властитель моря льдовъ! — торжественнымъ голосомъ протянула тѣнь.—Властитель земли и всего міра, если бы только я пожелалъ. Но мнѣ противна ничтожная земля, и посылъ мнѣ однообразный, глупо мятущійся и нелѣпо ползущій куда-то къ невѣдомому концу міръ! Я бы могъ уничтожить всѣхъ и все, но я усталъ... Ненавидѣть, только ненавидѣть тяжело... А любви нѣтъ... нѣтъ...

— Вы... — началъ Любимовъ, но тѣнь прервала его и страстно зашептала:

— Я вамъ все скажу, все... Я великъ и могу!.. Все мнѣ подвластно: бури,

грозы и море... Жизнь и смерть несутъ мой мозгъ. И было бы на землѣ великое счастье, когда я отдалъ бы людямъ все, чѣмъ полна моя душа, чѣмъ жила мой умъ! Но для этого надо было дать радость сердцу, озарить жизнь мою свѣтомъ счастья. А гдѣ они? Первые вспышки чувства, юношеская любовь моя были осмѣяны, осквернены... Для той, которую избрала любовь моя, я былъ посмѣшищемъ, презрѣннымъ негодяемъ. И я мстилъ, я буду мстить!

Человѣкъ, стоящій рядомъ съ Любимовымъ, говорилъ это страннымъ голосомъ. Казалось, что говорить не онъ, но кто-то стоящій позади его.

— Вы—командиръ брига „Ужасъ“?—прошептала Любимовъ.

— Я самъ—ужасъ...—словно сообщая важную тайну, также зашептала тотъ.—Ужасъ отчаянія передъ ненужной жизнью, ужасъ злобы и ненависти, ужасъ презрѣнія...

Онъ замолчалъ и стоялъ мрачный, готовый къ неожиданнымъ, внезапнымъ рѣшеніямъ и могучимъ порывамъ.

Силинъ думалъ о чемъ-то и, видимо, колебался. Потомъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Васъ покинула команда. На двухъ шлюпкахъ они плыли, борясь съ волнами. на сѣверъ, но я перерѣзалъ имъ путь... и...

— Чтѣ дальше?—спросилъ, впиваясь въ него глазами, Любимовъ.

— Они пошли ко дну... — мрачно закончилъ Силинъ и пронзительно свистнулъ.

Въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули огни, и изъ мрака выступили фигуры матросовъ въ желтыхъ плащахъ, освѣщенные трепетными огнями факеловъ.

— Вы арестованы!—сказалъ командиръ брига „Ужасъ“ и прикоснулся къ плечу Любимова.—Почему вы не застрѣлите меня?—неожиданно спросилъ онъ, наклоняясь и заглядывая ему въ глаза.

— Не могу!—отвѣтилъ Любимовъ.—Не знаю, почему, но не могу!.. Можетъ-быть, я боюсь васъ...

Силинъ пожалъ плечами и крикнулъ внизъ:

— Кто остался на пароходѣ? Привести вѣсть на бакъ!

Вскорѣ на бакѣ стояли Любимовъ, профессоръ Тумановъ, Сванборгъ и старый боцманъ. Матросы съ брига „Ужасъ“ зорко слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ.

— Господа, вы—мои плѣнники!—сказалъ Силинъ, нервно передернувъ плечами.—Вы меня можете спросить, почему я не пустил васъ ко дну, хотя ежеминутно имѣлъ эту возможность? Я не скрою отъ васъ, что у меня самого нѣсколько разъ зрѣло рѣшеніе утопить васъ съ вашимъ пароходомъ, но въ концѣ концовъ я пришелъ къ другому заключенію. Вы совершите на „Ужасѣ“ переходъ изъ Хайпудырской губы до Шпицбергена и будете свидѣтелями того, что сдѣлали люди съ такимъ человѣкомъ, какъ я!

Онъ, крѣпко ступая по палубѣ, прошелся вдоль бака и вдругъ, круто повернувшись на каблукахъ, вплотную подошелъ къ Туманову:

— Стыдитесь вы... человѣкъ науки! Стыдитесь! Развѣ я не видѣлъ вашей подозрительности, вашей трусости передо мною, всегда вникавшимъ въ природу вещей и явленій? Вы опасались конкуренціи, и какъ вы были рады, когда я увлекся вашей дочерью и забросилъ для нея науку! Когда же вы окончили свою работу, вы, только вы подкасаали ей, что я опасенъ и способенъ на все дурное. Я не знаю, что вы еще наклеветали на меня, но вы вселяли въ любимой мною дѣвухѣ отвращеніе ко мнѣ!..

Онъ отошелъ отъ академика и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ, смѣрилъ его съ ногъ до головы холоднымъ, полнымъ ненависти, взглядомъ. Потомъ онъ низко опустилъ голову и что-то обдумывалъ, но черезъ мгновеніе поднялъ плечи и выпрямился, словно сбрасывая съ себя большую тяжесть, и уже на ходу отдалъ приказъ:

— Вести за мной!

По сущенному трапу вѣсь перешли на стоящую у самаго борта большую моторную лодку. Она была окрашена въ сѣро-голубой цвѣтъ и даже вблизи была похожа на глыбу таящаго, потемнѣвшаго полярнаго льда.

Когда вѣсь размѣстились, Силинъ порывистымъ движеніемъ повернулъ рычагъ—и надъ головою сидящихъ захлопнулся желѣзный сводъ. Тотчасъ же послышался стукъ работающей машинны, и отъ быстрого движенія винта содрогалось все судно.

— Стой!—скомандовалъ кому-то невидимому въ темнотѣ Силинъ, и лодка остановилась.

Когда былъ убранъ желѣзный сводъ, глазами присутствующихъ представилась грозная картина.

Вдали, вскидываемый волнами, плылъ „Грифф“. Огонь уже вырывался изъ иллюминаторовъ и лизалъ мокрая мачты и снасти, а когда онъ, высушивъ ихъ, побѣжалъ по реямъ и стеньгамъ, изъ трубы съ глухимъ гуломъ вырвались клубы освѣщенного огнемъ дыма, и все сразу стихло и погасло.

По пустынному заливу бѣжали лишь холодныя волны и бились и шипѣли кругомъ.

VII.

На бригъ «Ужасъ».

Еще почной мракъ не разсѣялся, и только на востокѣ прорѣзалась едва замѣтная полоса зари, да облака по низу стали свѣтлѣе и быстрѣе мчались безконечными вереницами, когда лодка опять остановилась.

Когда мракъ перешелъ въ сумерки, Любимовъ съ носа судна внимательно осматривалъ море. Тамъ, гдѣ два часа тому назадъ стоялъ „Грифф“, виднѣлись широкіе паруса брига. Пароходъ исчезъ, а парусникъ уничтожалъ послѣдніе слѣды его.

Заглушенные разстояніемъ, слышались далекіе, раскатистые взрывы, и кое-гдѣ вздымались столбы воды и клубы пара и дыма.

За работой брига слѣдилъ и Силинъ. Онъ приказалъ зажечь прожекторъ, и когда яркій бѣлый снопъ свѣта побѣжалъ по темному еще морю и вдругъ нащупалъ и освѣтилъ бѣлые, какъ крылья лебедя, паруса на „Ужасѣ“ произвели маневръ, и онъ плавно понесся на сигналъ.

Въ этотъ мигъ на носу прогремѣлъ вы-

стрѣль и раздался гортанный, непонятный крикъ стоящаго здѣсь матроса.

Сбѣжавшіеся увидѣли Любимова. Онъ лежалъ ничкомъ, собравъ въ безформенный комъ свое большое и сильное тѣло, и зажималъ рукой кровь, бившую изъ сквозной раны въ шею.

Когда надъ нимъ нагнулся Тумановъ, морякъ печально взглянулъ на пустынное море и едва различимымъ свистящимъ шопотомъ сказалъ:

— Погубилъ судно и самъ пропадаю...

Это были его послѣднія слова. Онъ рванулся впередъ, уперся обѣими руками въ палубу и вдругъ вытянулся и замеръ.

Силинъ подошелъ къ нему, заглянулъ въ угасшіе уже глаза и махнулъ рукой.

Съ плескомъ ударилось тѣло Любимова объ воду и скрылось подъ водою.

Пересадка плѣнниковъ и команды на подошедшій бригъ была произведена очень скоро, а лодка, прикрывшись желѣзнымъ сводомъ, ныряя и выскакивая на поверхность воды, неслась въ сторону острова, едва замѣтнаго вдаль.

Черезъ нѣсколько часовъ бригъ „Ужасъ“ мчался изъ Хайпудырской губы въ открытый океанъ.

Дулъ свѣжій вѣтеръ въ корму, и бригъ поднималъ всѣ паруса.

Ларсъ Сванборгъ вышелъ изъ отведенной ему каюты на палубу. Какъ всякій норвежецъ, онъ понималъ толкъ въ судахъ и поэтому, взглянувъ на невиданную имъ парусную оснастку „Ужаса“, даже вскрикнулъ отъ удивленія.

Длинные, прямые и косые, паруса странной формы были наполнены вѣтромъ и глухо гудѣли, словно сердились на подхватывающій ихъ по временамъ шкваль. Въ туманномъ воздухѣ паруса напоминали распростертыя крылья гигантской бѣлой птицы, палатившей на судно.

Къ удивленному ученому подошелъ Силинъ.

— Профессоръ Ларсъ Сванборгъ? — спросилъ онъ по-английски, прикасаясь ру-

кой къ поламъ кожаной шляпы. — Вы, конечно, норвежецъ?

— Да! Я занимаю катедру біологическихъ наукъ въ Гальтерфостѣ, — отвѣтилъ ученый.

— Пройдемте ко мнѣ въ каюту, профессоръ! — предложилъ Силинъ. — Я буду просить васъ объ одной услугѣ.

По лѣсенкѣ, устланной желтой кожей вмѣсто ковра, они спустились въ носовое помѣщеніе и вошли въ каюту командира.

Большая, неправильной формы комната, со стѣнами изъ матоваго чернаго дерева, съ тяжелыми рѣзными фризами, была украшена великолѣпными портретами молодой женщины.

Ея задумчивое лицо съ грустными темными глазами и упрямыми, рѣшительными губами смотрѣло со всѣхъ стѣнъ. Кисть великаго художника занесла эти тонкія черты лица на холстъ, — въ этомъ не сомнѣвался Ларсъ Сванборгъ.

Точно угадывая его мысли, Силинъ обвелъ печальнымъ взглядомъ портреты и тихимъ голосомъ произнесъ:

— Это—дочь профессора Туманова, женщина, отвергнувшая мою любовь и повѣрившая клеветѣ на меня! Видите, сколько портретовъ. Ихъ писалъ гениальный художникъ. Онъ былъ согляданъ почти къ устью Оби и бѣжалъ отсюда на челнокѣ туземца. Я случайно крейсировалъ въ то время въ лиманѣ этой рѣки и взялъ его на борть.

— Гдѣ же теперь этотъ художникъ? — не могъ удержаться отъ вопроса Сванборгъ.

— Онъ... умеръ! — помедливъ, отвѣтилъ Силинъ и продолжалъ: — Я хочу, чтобы вы были свидѣтелемъ моего разрыва съ прошлымъ, моего вызова всему міру. Я отдалъ людямъ любимую женщину, и любовь моя перешла въ ненависть. Я уничтожаю теперь всѣ воспоминанія о ней, всѣ изображенія ея, всѣ письма, которыя она, не желая говорить со мною, писала мнѣ. Я уничтожаю все, все... и если раньше я хотѣлъ гибели челоуѣчества лишь въ порывѣ отчаянія, подъ гнетомъ тяжелой и несправедливой

обиды, то теперь мнѣ подсказываетъ это свободный отъ оковъ чувства холодный и ясный умъ.

Говоря это, Силинъ, согнувшись и выставивъ впередъ голову, медленно, какъ хищный звѣрь, готовящийся къ прыжку, подвигался въ сторону самаго большого портрета.

Прежде чѣмъ Ларсъ Сванборгъ могъ понять его намѣреніе, Силинъ съ злымъ крикомъ широко размахнулся и ударилъ ножомъ въ середину холста. Онъ съ трескомъ разорвался, а ножъ съ какимъ-то скрежетомъ рѣзалъ его и кололъ.

Силинъ метался отъ одной стѣны къ другой, и скоро остались лишь рамы съ сохранившимися кое-гдѣ лоскутами холста. Обрывки портретовъ и куски разбитыхъ рамъ валялись на полу, и по нимъ ходилъ Силинъ съ блѣднымъ и искаженнымъ внутренней мукой лицомъ.

Онъ нажалъ кнопку, и почти мгновенно выросъ на порогѣ матросъ.

— Убрать этотъ мусоръ! — крикнулъ онъ, но, спохватившись, повторилъ этотъ приказъ движеніями пальцевъ и рта, какъ это дѣлаютъ при объясненіяхъ съ глухонѣмыми.

Пока матросъ убиралъ каюту, Сванборгъ подошелъ къ командиру брига и спросилъ его:

— Я замѣтилъ, что вся команда у васъ набрана изъ глухонѣмыхъ. Почему это?

Силинъ одно мгновение колебался, но потомъ рѣшительнымъ и холоднымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Раньше этого не было. Я набиралъ команду для „Ужаса“ и людей для моего поселка на островѣ изъ бѣлыхъ каторжанъ. Но когда она, — Силинъ указалъ головой на пустыя рамы: — подговорила художника бѣжать и сообщить, гдѣ она находится, я его... словомъ — художникъ умеръ, а людямъ, за исключеніемъ троихъ, я отрѣзалъ языки и прокололъ барабаннымъ перепонки, чтобы этого не повторилось...

Сказавъ это, Силинъ взялъ большую желѣзную пилатку, вынесъ ее на палубу и, подойдя къ борту, сказалъ:

— Здѣсь глубоко, а дно вязко...

Онъ поднялъ надъ головой шкатулку и швырнулъ ее въ воду.

— Теперь, — воскликнулъ онъ: — я свободенъ!

Силинъ быстро взбѣжалъ на капитанскій мостикъ и отдалъ какое-то приказаніе двумъ нѣмымъ штурвальнымъ.

— Пойдемте, профессоръ! — сказалъ, вернувшись къ Сванборгу, Силинъ. — Теперь у меня къ вамъ просьба!

Въ каютѣ онъ вручилъ ученому большой портфель и сказалъ:

— Что бы ни случилось со мною, къ вамъ явится одинъ человѣкъ и скажетъ, что командиръ брига „Ужасъ“ проситъ вернуть портфель. Вы сдѣлаете это. Но я не хочу, чтобы вы исполнили мою просьбу безосознательно. Въ портфелѣ находятся бумаги съ описаніемъ моей жизни, всей жизни, безъ лжи, безъ прикрасъ! Описаніе жизни человѣка великаго ума, трагическаго злодѣя, преступника, опаснаго всему человѣчеству; въ этихъ же бумагахъ находится изложеніе моихъ изобрѣтеній: полученія золота изъ морской воды, передачи электричества на пространство, приготовленія убивающихъ все живое грибовъ и водорослей и новыхъ, необыкновенной силы, взрывчатыхъ веществъ. Съ ихъ помощью я послалъ смерть на луну и раскидалъ ея ядовитыя сѣмена по лицу ненавистной земли. Все это я хочу передать другому человѣку, а онъ продолжитъ начатую мною борьбу съ обществомъ, съ его гнилой, убившей душу и чувства людей, культурой. И вы, зная это, вы, Ларсъ Сванборгъ, исполните просьбу командира брига „Ужасъ“!

Съ капитанскаго мостика прозвучалъ ударъ колокола.

— Начинается открытая борьба моя со всеми народами міра! — воскликнулъ Силинъ. — Видите тотъ островъ? Это — Самоѣдскій Чумъ. Русское имя, но здѣсь расположена богатая факторія американской компаніи, занимающейся китобойнымъ промысломъ. На нее первую обрушится мой безграничный гнѣвъ!

Онъ взомель на мостикъ, и его одинокая фигура, съ мрачнымъ, горящимъ местью взоромъ, казалась живой угрозой человечеству. Онъ долго смотрѣлъ на далекии берега, гдѣ поднимались облачка дыма, и, подойдя къ стоящему на мостикѣ столу, началъ измѣрять разстояніе до факторин. Покончивъ съ этимъ, онъ нажалъ нѣсколько кнопокъ, и тотчасъ же загорѣлись разноцвѣтные свѣтовые сигналы.

Изъ трюма выбѣжали матросы и стали въ разныхъ мѣстахъ.

Прежніе сигналы смѣнились другими, и вскорѣ съ разныхъ мѣстъ праваго борта съ знакомымъ уже Сванборгу ухаваемъ и грохотомъ понеслись таинственные снаряды въ сторону Самоѣдскаго Чума.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ всѣмъ берегомъ маленькаго островка стоялъ черный дымъ, прорѣзываемый по временамъ жадными всплесками пламени.

Факторія горѣла, а бригъ „Ужасъ“, переставляя паруса, бралъ курсъ на Иолангу.

Въ миляхъ ста отъ этого поселенія поздней ночью Силинъ замѣтилъ баковые огни какого-то судна. Бригъ тотчасъ же легъ въ дрейфъ, и Силинъ долго и внимательно слушалъ. Но стука машины онъ не уловилъ и рѣшилъ, что идетъ парусное судно.

Бригъ началъ медленно приближаться къ судну. Вскорѣ можно было уже разглядѣть, что это—большой парусникъ, несущій въ трюмѣ полный грузъ и медленно плывущій на западъ.

„Ужасъ“ нагналъ его очень скоро и всталъ съ нимъ борть къ борту.

На грузовикъ на вахтѣ стоялъ лишь штурвалный, а сигнальный матросъ, вѣроятно, спалъ. Когда изъ темноты вынырнулъ высокой носъ брига, и когда борть его коснулся борта грузового судна, тревожный окрикъ раздался съ мостика.

— Кто идетъ?—крикнулъ штурвалный по-английски.

Вмѣсто отвѣта на палубу вбѣжала команда брига. Раздались выстрѣлы, глухіе удары топоровъ, стоны падающихъ людей и одинокій сигнальный свистокъ, смѣни-

вшійся тяжелымъ паденіемъ человѣка за борть.

Матросы Силина наглухо заперли всѣ люки и выходы на палубу и оставили несчастное судно.

Последнимъ ушелъ съ него самъ командиръ брига.

Онъ подошелъ къ Сванборгу и сказалъ ему:

— Я заразплъ судно пласмодиемъ и велѣлъ поставить паруса такъ, что судно уйдетъ обратно на востокъ. Когда оно выкинется гдѣ-нибудь на мель, или его перехватитъ случайный пароходъ, забавное зрѣлище найдутъ тамъ люди. Бурая гниющая масса изъ труповъ людей и рыбы, изъ тлѣющаго и мокнущаго дерева будетъ заключена въ разрушающемся корпусѣ парусника. Пойдутъ догадки и предположенія, создадутся теории о новой болѣзни или другія бредни въ этомъ же родѣ... Ха-ха-ха!

Силинъ долго и злобно смѣялся, а потомъ сказалъ:

— Профессоръ! Черезъ нѣсколько часовъ бригъ будетъ въ виду Иоланги. Предупредите вашихъ спутниковъ, что вмѣстѣ съ вами они будутъ доставлены на Колгуевъ. А затѣмъ прощайте, мы больше не увидимся. Я же увѣренъ, что Ларсъ Сванборгъ—честный человѣкъ и исполнитъ мою просьбу!

Подъ вечеръ, чуть только вдаль показались верхушки горъ надъ Иолангой и далекий огонь маяка, бригъ спустилъ паруса и легъ въ дрейфъ. Восемьдесятый богъ съ тремя пассажирами и пятью глухонемыми матросами съ брига быстро шель къ виднѣвшемуся на сѣверѣ берегу.

На мостикѣ и на всей палубѣ брига было пустынно, и только на кормѣ развѣвался бѣлый флагъ, окаймленный широкой черной лентой.

Сванборгу показалось, что какой-то безконечно-грустный, безъ тѣни надежды прилѣтъ былъ въ прощальныхъ колебаніяхъ этого печальнаго флага. Онъ подблизился своими впечатлѣніями съ Тумановымъ.

Старый академикъ опустилъ голову на грудь и тихо шепнулъ:

— Великое несчастіе... Геніальный безумецъ поднялъ руку на человѣчество!

Отчаяніе и тревога Туманова сообщились и Сванборгу. Онъ молчалъ и съ благоговѣйнымъ страхомъ и жгучей тоской смотрѣлъ на скрывающіяся за отраженными поверхностью моря лучами заката очертанія брига „Ужасъ“.

VIII.

Послѣдній бой.

Черезъ нѣсколько дней гребной баркасъ смотрителя маяка съ шестью рыбаками на веслахъ плылъ отъ Иоланги къ большому пароходу, стоявшему въ трехъ верстахъ отъ берега.

Въ баркасѣ находились Тумановъ съ Сванборгомъ и профессоръ Самойловъ. Всѣ молчали и съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣли на молодую женщину съ увядшимъ лицомъ и неподвижнымъ, мертвымъ взглядомъ печальныхъ и испуганныхъ глазъ.

По временамъ женщина тревожно озиралась и, замѣтивъ вдали бѣлый гребень волны, вздрагивала и хватала за руку Самойлова.

— Парусъ... тамъ парусъ? Это онъ... — шептала она блѣдными губами.

Стоявшій на рулѣ старый боцманъ съ погибшаго „Грифа“ старался успокоить ее.

— Не парусъ это, барыня! — объяснялъ онъ. — Волна тамъ барашкомъ идетъ. Ночью вѣдь шквалъ пролетѣлъ знатный. Поди, на морѣ много нынче бѣды понадѣлалъ.

Въ это время они подходили къ далеко выдвинувшемуся въ море скалисту мусу.

— Тамъ пучина начнется, — сказалъ одинъ изъ рыбаковъ: — а только вы въ море дальше рулите, не то запрокинетъ насъ здѣсь... Вишь, какіе буруны бьются!

Дѣйствительно, у самаго мыса вскидывались и лизали извѣденную водою скалу пѣнистыя, бѣшено ревущія волны.

Боцманъ направилъ баркасъ въ море, прямо на югъ отъ мыса.

Когда они сравнялись со скалой, и пароходъ былъ уже близко, женщина, схватившись обѣими руками за голову, поднялась

во весь ростъ и съ крикомъ упала на дно баркаса.

— Чтѣ съ тобою?! — бросился къ дочери Тумановъ.

Но слова замерли на губахъ старика.

Изъ-за мыса, распустивъ два большихъ паруса, прямо на нихъ неслась яхта. На бѣломъ полотнѣ нарусовъ чернѣлись слова: „Бригъ „Ужасъ“ и широкая траурная кайма.

— Гребите! гребите! — крикнулъ Самойловъ рыбакамъ и вынулъ изъ кармана револьверъ.

— Наддай! — повторилъ его приказаніе боцманъ, и рыбаки, мѣрно сгибаясь и разгибаясь, начали быстрѣе вскидывать весла.

Баркасъ рванулся впередъ.

Парусная яхта, маневрируя по вѣтру, старалась пересѣчь путь убѣгающимъ, но до парохода было уже недалеко.

Всѣмъ стало ясно, что баркасъ спасенъ, и что яхтѣ не достигнуть ихъ.

Внезапно налетѣлъ вѣтеръ. Его порывы сдѣлались сильнѣе и чаще. Пользуясь этимъ, на яхтѣ подняли новые паруса. Ихъ было такъ много, что скрылись мачты и снасти. Казалось, что какое-то невѣдомое морское существо, бѣлое отъ пѣны волнъ, встало и несется надъ водою.

Яхта не плыла — она летѣла. Свѣжій вѣтеръ, встрѣтивъ сопротивление парусовъ, подхватилъ судно и повелъ его. Все чаще и чаще видны были острый киль яхты и далеко выдвинутый руль.

Судно уходило въ сторону отъ баркаса, и только тогда, когда до парохода оставалось не болѣе полуверсты, оно непостижимымъ маневромъ сразу перекинулось на другой курсъ и стало рядомъ съ бѣглецами.

— Не тревожьтесь! — раздался угрюмый голосъ Силина, и онъ вышелъ на носъ яхты. — Я не причиню вамъ никакого вреда. Я только хочу взглянуть на Нину въ послѣдній разъ и передать, что я вызываю на бой того, кто оклеветалъ меня... Самойлова. Я буду ждать.

Новымъ маневромъ Силинъ отбросилъ свою яхту отъ баркаса на нѣсколько сажень и, остановившись, убралъ паруса и от-

длся волнамъ, которыя бросали судно, какъ легкую, беспомощную щепку.

На баркасѣ воцарилось глухое молчаніе. Даже рыбаки перестали грести и тревожно поглядывали на господь.

Самойловъ былъ блѣденъ. Онъ провелъ рукой по высокому лбу, и глаза его загорѣлись. Онъ опустился на колѣни на дно баркаса и нагнулся надъ Тумановой.

Она лежала, блѣдная и безжизненная, въ глубокомъ обморокѣ, и на рѣсницахъ ея блестяли слезы.

Тоска и ужасъ были на ея лицѣ, измученномъ и изстрадавшемся.

Самойловъ молча взялъ ея руку и прижалъ къ губамъ.

Потомъ онъ поднялся, обвелъ всѣхъ какимъ-то вопрошающимъ и словно недоумѣннымъ взглядомъ. Неожиданно, быстрымъ прыжкомъ вскочивъ на скамейку, онъ бросился въ воду и поплылъ къ яхтѣ.

И тотчасъ же другой человекъ кинулся ему навстрѣчу.

Это былъ Силинъ.

Онъ далеко закидывалъ руки и, рванувшись, бросками поплылъ къ Самойлову.

Встрѣча ихъ была коротка, какъ вспышка молнии, и такъ же бесслѣдно пропали въ морской глубинѣ эти схватившіеся другъ съ другомъ враги, какъ исчезаетъ на темномъ небѣ прорѣзавшая его огненная стрѣла...

Лишь воронки заплясали и закружились на поверхности океана, да всплыло и сразу же исчезло большое багровое пятно...

Недавно случайно попавшіе на островъ Долгій промышленники нашли занесенные пескомъ и истлѣвшими водорослями обломки разрушеннаго корабля.

На почернѣвшей и расколотаѣ доскѣ они прочли надпись:

„Бригъ „Ужасъ“ ...